
Марина
Цветаева

Москва!
какой огромный
странноприимный
дом!

28.10.87

Марина Цветаева

Марина Цветаева

ПОЭМЫ
СТИХОТВОРЕНИЯ

УФА
БАШКИРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1987

84 Р7
Ц 27

Печатается по изданиям: Марина Цветаева. Стихотворения и поэмы. (Библиотека поэта. Малая серия.) Ленинград: Советский писатель, 1974; Марина Цветаева. Стихотворения. Казань: Татарское книжное издательство, 1983.

Цветаева Марина Ивановна
Ц 27 Поэмы. Стихотворения. — Уфа: Башкирское книжное издательство, 1987. — 288 с.

Поэмы и стихотворения известной русской советской поэтессы Марины Ивановны Цветаевой (1892—1941).

Ц $\frac{4702010200-74}{М\ 121(03)-87}$ 102—87 84 Р7

ПОЭМЫ

НА КРАСНОМ КОНЕ

Не Муза, не Муза
Над бедною люлькой
Мне пела, за ручку водила.
Не Муза холодные руки мне грела,
Горячне веки студила.
Вихор ото лба отводила — не Муза,
В большие поля уводила — не Муза.

Не Муза, не черные косы, не бусы,
Не басни, — всего два крыла светлорусых, —
Короткнх — над бровью крылатой.
Стан в латах.
Султан.

К устам не клонился,
На сон не крестил.
О сломанной кукле
Со мной не грустнл.
Всех птиц моих — на свободу
Пускал — н потом — не жалея шпор,
На красном коне — промеж снних гор
Гремящего ледохода!

Пожарные! — Широкий крик!
Как зарево широкий — крик!
Пожарные! — Душа горит!
Не наш ли дом горит?!

Сполóшной колокол гремит,
Качай-раскачивай язык,
Сполошной колокол! — Велик
Пожар! — Душа горит!

Пляша от страшной красоты,
На красных факелов жгуты
Рукоплещу — кричу — свищу —
Рычу — искры мечу.

Кто вынес? — Кто сквозь гром и чад
Орлом восхúтил? — Не очнусь!
Рубашка — длинная — до пят
На мне — и нитка бус.

Вой пламени, стекольный лязг...
У каждого — заместо глаз —
Два зарева! — Полет перин!
Горим! Горим! Горим!

Трещи, тысячелетний ларь!
Пылай накопленная кладь!
Мой дом — над всеми государь,
Мне нечего желать.

— Пожарные! — Крепчай, Петух!
Грянь в раззолоченные лбы!
Чтобы пожар не тух, не тух!
Чтоб рухнули столбы!

Что́ это — вдруг — рухнуло — вдруг?
Это не столб — рухнул!
Бешеный всплеск маленьких рук
В небо — и крик: — Кукла!

Кто́ это — вслед — скоком гоня,
Взор мне метнул — властный?
Кто́ это — вслед — скоком с коня
Красного — в дом — красный?!

Крик — и перекричавший всех
Крик. — Громовой удар.
Вздымая куклу, как доспех,
Встает, как сам Пожар.

Как Царь меж огненных зыбей
Встает, сдвигает бровь.
— Я спас ее тебе, — разбей!
Освободи Любовь!

Что́ это вдруг рухнуло? — Нет,
Это не мир — рухнул!
То две руки — конному — вслед
Девочка — без — куклы.

Февраль. Кривые дороги.
В полях — метель.
Метет большие дороги
Ветро́в — артель.

То вскачь по хребтам наклонным,
То снова круть.

За красным, за красным конным,
Всё тот же путь.

То — во́т он! рукой достанешь!
Как дразнит: тронь!
Безумные руки тянешь,
И снегом — конь.

Султан ли — в глазах — косматый,
Аль так — ветла?
Эй, рук не складайте, сваты!
Метн, ветра!

Метн, громоздн пороги —
Превыше скал,
Чтоб конь его крутоногий
Как вкопан — стал.

И внемлют ветра — и стоном
В ответ на стон.
Торопится красным гоном
Мой конный сон.

Косматых воскрылий взлеты,
Аль так — ветла?
Вздымайте, вздымайте, метлы!
Держись, ветра!

А что ж это там за глыба,
Всплывает — там?
Как будто бы вьюгой вздыблен
Стоглавый храм.

Конец и венец погоне!
Уж в лоб, треща,

Мне пламень подков, в ладони —
Уж край плаща!

На помощь, с мечом и громом,
Всех воинств Царь! —
Но прядает конь — и громом
Взгремел в алтарь!

Стремлю — а за мною — сворой
Вся рать ветров.
Еще не остыл — по хорам —
Раскат подков.

Как рокот Сорокоуста,
Метель взмелась:
Престол опрокинут! — Пусто!
Как в землю сгас!

Стоните, стоните, стены!
Метель, ярись!
Померкло от конской пены
Сиянье риз.

Шатается купол. — Рухай,
Сонм сил и слав!
И рухает тело — руки
Крестом распяв.

Огромною битвой радуг —
Разлёт лампад.
— Прими меня, чист и сладок,
За ны — распят.

Ревнивая длань — твой праздник!
Прими огонь!
Но что — с высоты — за всадник,
И что за конь?

Доспехи на нем — как солнце...
Полет крутой —
И прямо на грудь мне — конской
Встает пятой.

Гром первый по черепу — или лом
По черепу?! — Люди! Люди!
В сухую подушку вгрызаясь лбом,
Впервые сказать: Не любит!

Не любит! — Не надо мне женских кос!
Не любит! — Не надо мне красных бус!
Не любит! — Так я на коня вздымусь!
Не любит! — Вздымусь — до неба!

О дух моих дедов, взыграй с цепи́!
Шатай вековые сосны!
О дух моих дедов — Эол! — трепи
Мои золотые космы!

На белом коне впереди полков
Вперед под серебряный гром подков!
Посмотрим, посмотрим — в бою каков
Гордец на коне на красном!

Разломано небо! — Благой знак:
Заря кровянит шлем мой!

Солдаты! До неба — один шаг:
Законом зерна — в землю!

Вперед — через ров! — Сорвались? — Ряд
Другой — через ров! — Сорвались? — Вновь
Другой — через ров! — На снегу лат
Не знаю: заря? кровь?

Солдаты! Какого врага — бьем?
В груди холодок — жгуч.
И входит, и входит стальным копьем
Под левую грудь — луч.

И шепот: Такой я тебя желал!
И рокот: Такой я тебя избрал,
Дитя моей страсти — сестра — брат —
Невеста во льду — лат!

Моя и ничья — до конца лет.
Я, руки воздев: Свет!
— Пребудешь? Не будешь ничья, — нет?
Я, рану зажав: Нет.

Не Муза, не Муза, — не бренные узы
Родства, — не твои путы,
О Дружба! — Не женской рукой, — лютой
Затянут на мне —
Узел.

Сей страшен союз. — В черноте рва
Лежу — а Восход светел.
О, кто невесомых моих два
Крыла за плечом —
Взвесил?

Немой соглядатай
Живых бурь —
Лежу — и слежу
Тени.

Доколе меня
Не умчит в лазурь
На красном коне —
Мой Гений!

13—17 января 1921

ПОЭМА ГОРЫ

Liebster, Dich wundert die Rede?
Alle Scheidenden reden wie Trunkene
und nehmen gerne sich festlich...

Hölderlin

О, любимый! Тебя удивляет эта речь?
Все расстающиеся говорят как пьяные
и любят торжественность...

Гёльдерлин

ПОСВЯЩЕНИЕ

Вздрогнешь — и горы с плеч,
И душа — горé!
Дай мне о гóре спеть:
О моей горе.

Черной ни днесь, ни впредь
Не заткну дыры.
Дай мне о гóре спеть
На верху горы.

I

Та гора была как грудь
Рекрута, снарядом сваленного.
Та гора хотела губ
Девственных, обряда свадебного

Требовала та гора.
Океан в ушную раковину
Вдруг ворвавшимся ура!
Та гора гнала и ратовала.

Та гора была как гром.
Зря с титанами заигрываем!

Той горы последний дом
Помнишь — на исходе пригорода?

Та гора была — миры!
Бог за мир взымает дорого.
Горе началось с горы.
Та гора была над городом.

2

Не Парнас, не Синай —
Просто голый казарменный
Холм — равняйся! стреляй!
Отчего же глазам моим
(Раз октябрь, а не май)
Та гора была — рай?

3

Как на ладони поданный
Рай — не берись, коль жгуч! —
Гора бросалась под ноги
Колдобинами круч.

Как бы титана лапами
Кустарников и хвой,
Гора хватала зá полы,
Приказывала: — стой!

О, далеко не азбучный
Рай — сквозняком сквозняк!
Гора валила навзничь нас,
Притягивала: — ляг!

Оторопев под натиском,
Как? не понять и днесь!

Гора — как сводня — святости
Указывала: — здесь...

4

Персефоиы зерно граиатовое!
Как забыть тебя в стужах знм?
Помию губы, двойиою раковиной
Прноткрывшиеся монм.

Персефона, зерном загубленная!
Губ упорствующий багрец,
И ресиицы твон — зазубринами,
И звезды золотой зубец...

5

Не обман — страсть, и не вымысел,
И не лжет, — только не длн!
О, когда бы в сей мир явнлнсь мы
Простолю́дннамн любви!

О, когда б здраво и по́просту:
Просто — холм, просто — бугор...
(Говорят, тягою к пропастн
Измеряют уровень гор.)

В ворохах вереска бурого,
В островах страждущих хвой...
(Высота бреда над уровнем
Жнзнн.)
— На́ же меня! Твой.

Но семьн тихне милостн,
Но птенцов лепет — увы!

Оттого что в сей мир явились мы
Небожителями любви!

6

Гора горевала (а горы глиной
Горькой горюют в часы разлук),
Гора горевала о голубиной
Нежности наших безвестных утр.

Гора горевала о нашей дружбе:
Губ — непреложнейшее родство!
Гора горевала, что коемужды
Сбудется — по слезам его.

Еще говорила гора, что — табор
Жизнь, что весь век по сердцам базарь!
Еще горевала гора: — хотя бы
С дитятком — отпустил Агарь!

Еще говорила, что это — демон
Крутит, что замысла нет в игре.
Гора говорила, мы были немы.
Предоставляли судить горе.

7

Гора горевала, что только грустью
Станет — чтó ныне и кровь и зной.
Гора говорила, что не отпустит
Нас, не допустит тебя с другой.

Гора горевала, что только дымом
Станет — чтó ныне и Мир и Рим.

Гора говорила, что быть с другими
Нам (не завидую тем другим!).

Гора горевала о страшном грузе
Клятвы, которую поздно клясть.
Гора говорила, что стар тот узел
Гордиев — долг и страсть.

Гора горевала о иашем горе —
Завтра! не сразу! когда иад лбом
Уж не memento[1], а просто — море!
Завтра, когда поймем.

Звук... Но как будто бы кто-то просто —
Ну... плачет вблизи?
Гора горевала о том, что врозь иам
Вииз, по такой грязи —

В жизнь, про которую знаем мы:
Сброд — рынок — барак...
Еще говорила, что все поэмы
Гор — пишутся — та́к.

8

Та гора была как горб
Атласа, титана стонущего.
Той горою будет горд
Город, где с утра и до́ иочи мы

Жизнь свою — как карту бьем!
Страстиые, *не быть* упорствуем.

[1] memento (mori) (лат.) — помни о смерти. — *Ред.*

Наравне с медвежьим рвом
И двенадцатью апостолами —

Чтите мой угрюмый грот.
(Грот была — и волны впрыгивали!)
Той игры последний ход
Помнишь — на исходе пригорода?

Та гора была — миры!
Боги мстят своим подобиям.
Горе началось с горы.
Та гора на мне — надгробием.

9

Минут годы, и вот означенный
Камень, плоским смененный, снят.
Нашу гору застроят дачами,
Палисадниками стеснят.

Говорят, на таких окраинах
Воздух чище и легче жить.
И пойдут лоскуты выкраивать,
Перекладинами рябить,

Перевалы мои выструнивать,
Все овраги мои вверх дном!
Ибо надо ведь — хоть кому-нибудь
Дома — в счастье, и *счастья* в дом!

Счастья — *в доме*, любви без вымыслов,
Без вытягивания жил!
Надо женщиной быть — и вынести!
(Было-было, когда ходил,

Счастье — в доме!) Любви, не скрашенной
Ни разлукою, ни ножом.
На развалинах счастья нашего
Город встанет — мужей и жен.

И на том же блаженном воздухе
— Пока можешь еще — греши! —
Будут лавочники на отдыхе
Пережевывать барыши.

Этажи и ходы надумывать —
Чтобы каждая нитка — в дом!
Ибо надо ведь — хоть кому-нибудь
Крыши с аистовым гнездом.

10

Но под тяжестью тех фундаментов
Не забудет гора — игры.
Есть беспутные, нет беспамятных:
Гóры времени — у горы!

По упорствующим расселинам
Дачник, поздно хватясь, поймет:
Не пригорок, поросший семьями, —
Кратер, пущенный в оборот!

Виноградниками Везувия
Не сковать! Великана льном
Не связать! Одного безумия
Уст — достаточно, чтобы львом

Виноградники заворочались,
Лаву ненависти струя.

Будут девками ваши дочери,
И поэтами — сыновья!

Дочь, ребенка расти внебрачного!
Сын, цыганкам себя стравн!
Да не будет вам места злачного,
Телеса, на моей крови!

Твéрже камня краеугольного,
Клятвой смертника на одре:
— Да не будет вам счастья дольнего,
Муравьи, на моей горе!

В час неведанный, в срок негаданный
Опознáете всей семьей
Непомерную и громадную
Гору заповеди седьмой.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Есть пробелы в памяти, бельма
На глазах: семь покрывал...
Я не помню тебя — отдельно.
Вместо чéрт — белый провал.

Без примет. Белым пробелом —
Весь. (Душа, в ранах сплошных,
Рана — сплошь.) Частности мелом
Отмечать — дело портных.

Небосвод — цельным основан.
Океан — скопище брызг?

Без примет. Верно — особый —
Весь. Любовь — связь, а не сыск.

Вороной, русой ли масти —
Пусть сосед скажет: он зряч.
Разве страсть — делит на части?
Часовщик я или врач?

Ты — как круг, полный и цельный.
Цельный вихрь, полный столбняк.
Я не помню тебя отдельно
От любви. Равенства знак.

(В ворохах сонного пуха
— Водопад, пены холмы —
Новизной, странной для слуха,
Вместо: я — тронное: мы...)

Но зато в нищей и тесной
Жизни — «жизнь как она есть», —
Я не вижу тебя совместно
Ни с одной.
— Памяти месть.

Январь 1924
Прага, Смиховский холм
Декабрь 1939
Голицыно, Дом Писателей

ПОЭМА КОНЦА

1

В небе, ржавее жести,
Перст столба.
Встал на назначенном месте,
Как судьба.

— Бéз четверти. Исправен?
— Смерть не ждет.
Преувеличенно плавен
Шляпы взлет.

В каждой реснице вызов.
Рот сведён.
Преувеличенно низок
Был поклон.

— Бéз четверти. Точен?
Голос лгал.
Сердце упало: чтó с ним?
Мозг: сигнал!

Небо дурных предвестий:
Ржавь и жесть.

Ждал на обычном месте.
Время: шесть.

Сей поцелуй без звука:
Губ столбняк.
Так государыням руку,
Мертвым — так...

Мчащийся простолюдин
Локтем — в бок.
Преувеличенно нуден
Взвыл гудок.

Взвыл, как собака взвизгнул,
Длился, злясь.
(Преувеличенность жизни
В смертный час.)

То, что вчера — по пояс,
Вдруг — до звезд.
(Преувеличенно, то есть:
Во весь рост.)

Мысленно: милый, милый.
— Час? Седьмой.
В кинематограф, или?.. —
Взрыв: «Домой!»

2

Братство таборное, —
Вот куда вело!
Громом нá голову,
Саблей наголó,

Всеми ужасами
Слов, которых ждем,
Домом рушащимся —
Слово: дом.

Заблудшего баловня
Вопль: домой!
Дитя годовалое:
«Дай» и «мой»!

Мой брат по беспутству,
Мой зноб и зной,
Так и́з дому рвутся,
Как ты — домой!

Конем, рванувшим коновязь —
Ввысь! — и веревка в прах.
— Но никакого дома ведь!
— Есть, — в десяти шагах:

Дом на горе. — Не выше ли?
— Дом на верху горы.
Окно под самою крышею.
— *«Не от одной зари*

Горящее?» Так сызнова
Жизнь? — Простота поэм!
Дом — это значит: и́з дому
В ночь.
(О, кому повем

Печаль мою, беду мою,
Жуть, зеленее льда?)
— Вы слишком миого думали. —
Задумчнвое: — Да.

3

И — набережная. Воды
Держусь, как толщн плотной.
Семирамидины сады
Висячие — так вот вы!

Воды — стальная полоса
Мертвецкого оттенка —
Держусь, как нотного листа
Певица, края стенки —

Слепец... Обратно не отдашь?
Нет? Наклонюсь — услышишь?
Всеутолительницы жажд
Держусь, как края крышн

Лунатик...
Но ие от реки
Дрожь, — рождена наядой!
Реки держатся, как руки,
Когда любимый рядом —

И верен...
Мертвые верны.
Да, но не всем в каморке...
Смерть с левой, с правой стороны —
Ты. Правый бок как мертвый.

Разительного света сноп.
Смех, как грошовый бубен.
«Нам с вами нужно бы...»
(Озноб.)
...«Мы мужественны будем?»

4

Тумана белокурого
Волна — воланом газовым.
Надышано, накурено,
А главное — насказано!
Чем пахнет? Спешкой крайнею,
Поблажкой и грешком:
Коммерческими тайнами
И бальным порошком.

Холостяки семейные
В перстнях, юнцы маститые...
Нашучено, насмеяно,
А главное — насчитано!
И крупными, и мелкими,
И рыльцем, и пушком.
...Коммерческими сделками
И бальным порошком.

(Вполоборота: *это* вот —
Наш дом? — Не я хозяйкою!)
Один — над книжкой чековой,
Другой над ручкой лайковой,
А тот — над ножкой лаковой
Работает тишком.
...Коммерческими браками
И бальным порошком.

Серебряной зазубриной
В окне — звезда мальтийская!
Наласкано, налюблено,
А главное — натискано!
Нащипано... (Вчерашняя
Снедь — не взыщи: с душком!)
...Коммерческими шашнями
И бальным порошком.

Цепь чересчур короткая?
Зато не сталь, а платина!
Тройными подбородками
Тряся, тельцы — телятину
Жуют. Над шейкой сахарной
Черт — газовым рожком.
...Коммерческими крахами
И неким порошком
Бе́ртольда Шварца...
                                        Даровит
Был — и заступник людям.
— Нам с вами нужно говорить.
Мы мужественны будем?

5

Движение губ ловлю.
И знаю — не скажет первым.
— Не любите? — Нет, люблю.
— Не любите! — Но истерзан,
Но выпит, но изведен.
(Орлом озирая местность:)
— Помилуйте, *это* — дом?
— Дом в сердце моем. — Словесность!

Любовь, это плоть и кровь.
Цвет, собственной кровью полит.
Вы думаете, любовь —
Беседовать через столик?

Часочек — и по домам?
Как те господа и дамы?
Любовь, это значит...
— Храм?
— Дитя, замеиите шрамом

На шраме! — Под взглядом слуг
И бражников? (Я, без звука:
«Любовь, это значит лук
Натяиутый: лук: разлука».)

— Любовь, это значит — связь.
Всё врозь у иас: рты и жизни.
(Просила ж тебя: ие сглазь!
В тот час, в сокровенный, ближний

Тот час на верху горы
И страсти. Memento[1] — пáром:
Любовь — это все дары
В костер — и всегда задаром!)

Рта раковинная щель
Бледна. Не усмешка — опись.
— И прежде всего одна
Постель.
— Вы хотели пропасть

[1] Здесь: память (лат.) — *Ред.*

Сказать?.. — Барабанный бой
Перстов. — Не горами двигать!
Любовь, это значит...
— Мой.
Я вас понимаю. Вывод?

Перстов барабанный бой
Растет. (Эшафот и площадь.)
— Уедем. — А я: умрем,
Надеялась. Это проще!

Достаточно дешевизн:
Рифм, рельс, номеров, вокзалов...
— Любовь, это значит: жизнь.
— Нет, и́наче называлось

У древних...
— Итак? —
Лоскут
Платка в кулаке, как рыба.
— Так, едемте? — Ваш маршрут?
Яд, рельсы, свинец — на выбор!

Смерть — и никаких устройств!
— Жизнь! — Как полководец римский,
Орлом озирая войск
Остаток.
— Тогда простимся.

6

— Я этого не хотел.
Не этого. (Молча: слушай!
Хотеть, это дело тел,
А мы друг для друга — души

Отныне...) — И не сказал.
(Да, в час, когда поезд подан,
Вы женщинам, как бокал,
Печальную честь ухода

Вручаете...) — Может, бред?
Ослышался? (Лжец учтивый,
Любовнице как букет
Кровавую честь разрыва

Вручающий...) — Внятно: слог
За слогом, итак — простимся,
Сказали вы? (Как платок,
В час сладостного бесчинства

Уроненный...) — Битвы сей
Вы — Цезарь. (О, выпад наглый!
Противнику — как трофей,
Им отданную же шпагу

Вручать!) — Продолжает. — (Звон
В ушах...) — Преклоняюсь дважды:
Впервые опережен
В разрыве. — Вы это каждой?

Не опровергайте! Месть,
Достойная Ловеласа.
Жест, делающий вам честь,
А мне разводящий мясо

От кости. — Смешок. Сквозь смех —
Смерть. Жест. (Никаких хотений,
Хотеть, это дело — *тех*,
А мы друг для друга — тени

Отныне...) Последний гвоздь
Вбит. Винт, ибо гроб свинцовый.
— Последнейшая из просьб.
— Прошу. — Никогда ни слова

О нас... никому из... ну...
Последующих. (С носилок
Так раненые — в весну!)
— О том же и вас просила б.

Колечко на память дать?
— Нет. — Взгляд, широко разверзтый,
Отсутствует. (Как печать
На сердце твое, как перстень

На руку твою... Без сцен!
Съем.) Вкрадчивее и тише:
— Но книгу тебе? — Как всем?
Нет, вовсе их не пишите,

Книг...

Значит, не надо.
Значит, не надо.
Плакать не надо.

В наших бродячих
Братствах рыбачьих
Пляшут — не плачут.

Пьют, а не плачут.
Кровью горячей
Платят — не плачут.

Жемчуг в стакане
Плавят — и миром
Правят — не плачут.

— Так я́ ухожу? — Насквозь
Гляжу. Арлекин, за верность,
Пьеретте своей — как кость,
Презреннейшее из первенств

Бросающий: честь конца,
Жест занавеса. Реченье
Последнее. Дюйм свинца
В грудь: лучше бы, горячей бы

И — чище бы...
Зубы
Втиснула в губы.
Плакать не буду.

Самую крепость —
В самую мякоть.
Только не плакать.

В братствах бродячих
Мрут, а не плачут,
Жгут, а не плачут.

В пепел и песню
Мертвого прячут
В братствах бродячих.

— Так первая? Первый ход?
Как в шахматы, значит? Впрочем,
Ведь даже на эшафот
Нас первыми просят...
— Срочио

Прошу, не глядите! — Взгляд. —
(Вот-вот уже хлынут градом!
Ну как их загнать назад
В глаза?!) — Говорю, не надо

Глядеть!!!

Внятно и громко,
Взгляд в вышину:
— Милый, уйдемте,
Плакать начну!

Забыла! Среди копилок
Живых (коммерсантов — тож)
Белокурый сверкнул затылок:
Маис, кукуруза, рожь!

Все заповеди Синая
Смывая — менады мех! —
Голконда волосяная,
Сокровищница утех —

(Для всех!) Не напрасно копит
Природа, не сплошь скупа!
Из сих белокурых тропик,
Охотники, — где тропа

Назад? Наготою грубой
Дразня и слепя до слез —

Сплошным золотым прелюбом
Смеющимся пролилось.

— Не правда ли? — Льнущий, мнущий
Взгляд. В каждой реснице — зуд.
— И главное — эта гуща!
Жест, скручивающий в жгут.

О рвущий уже одежды —
Жест! Проще, чем пить и есть, —
Усмешка! (Тебе надежда,
Увы, на спасенье есть!)

И — сестрински или братски?
Союзнически: союз!
— Не похоронив — смеяться!
(И, похоронив, смеюсь.)

7

И — набережная. Последняя.
Всё. Порознь и без руки,
Чурающимися соседями
Бредем. Со стороны реки —

Плач. Падающую соленую
Ртуть слизываю без забот:
Луны огромной Соломоновой
Слезам не выслал небосвод.

Столб. Отчего бы лбом не стукнуться
В кровь? Вдребезги бы, а не в кровь!
Страшащимися сопреступниками
Бредем. (Убитое — Любовь.)

Брось! Разве это двое любящих?
В ночь? Порознь? С другими спать?
— Вы понимаете, что будущее —
Там? — Запрокидываюсь вспять.

— Спать! — Новобрачными по коврику...
— Спать! — Все не попадаем в шаг,
В такт. Жалобно: — Возьмите пóд руку!
Не каторжники, чтобы так!..

Ток. (Точно мне *душою* — нá руку
Лег! — Нá руку рукою). Ток
Бьет, проводами лихорадочными
Рвет, — нá душу рукою лег!

Льнет. Радужное всё! Чтó радужнее
Слез? Занавесом, чаще бус,
Дождь. — Я таких не знаю набережных
Кончающихся. — Мост, и:
— Ну-с?

Здесь? (Дроги поданы.)
Спо-койных глаз
Взлет. — Можно до дому?
В по-следний раз!

8

По-следний мост.
(Руки не отдам, не выну!)
Последний мост,
Последняя мостовина.

Во-да и твердь.
Выкладываю монеты.

День-га за смерть,
Харонова мзда за Лету.

Мо-неты тень
В руке теневой. Без звука
Мо-неты те.
Итак, в теневую руку

Мо-неты тень.
Без ответа и без звяка.
Мо-неты — тем.
С умерших довольно маков.

Мост.

Бла-гая часть
Любовников без надежды:
Мост, ты как страсть:
Условность: сплошное между.

Гнездюсь: тепло,
Ребро — потому и льну так.
Ни *до*, ни *по:*
Прозрения промежуток!

Ни рук, ни ног.
Всей костью и всем упором:
Жив только бок,
О смежный теснюсь которым.

Вся жизнь — в боку!
Он — ухо и он же — эхо.
Желтком к белку
Леплюсь, самоедом к меху

Теснюсь, леплюсь,
Мощусь. Близнецы Сиама,
Что́ — ваш союз?
Та женщина — помнишь: мамой

Звал? — всё и вся
Забыв, в торжестве недвижном
Те-бя нося,
Тебя не держала ближе.

Пойми! Сжились!
Сбылись! На груди баюкал!
Не — брошусь вниз!
Нырять — отпускать бы руку

При-шлось. И жмусь,
И жмусь... И неотторжима.
Мост, ты не муж:
Любовник — сплошное мимо!

Мост, ты за нас!
Мы реку телами кормим!
Плющом впилась,
Клещом: вырывайте с корнем!

Как плющ! как клещ!
Безбожно! Бесчеловечно!
Бро-сать, как вещь,
Меня, ни единой вещи

Не чтившей в сём
Вещественном мире дутом!
Скажи, что сон!
Что ночь, а за ночью утро,

Экс-пресс и Рим!
Гренада? Сама не знаю,
Смахнув перин
Монбланы и Гималаи.

Про-гал глубок.
Последнею кровью грею.
Про-слушай бок!
Ведь это куда вернее

Сти-хов... Прогрет
Ведь? Завтра к кому наймешься?
Ска-жи, что бред!
Что нет и не будет мосту

Кон-ца...
— Конец.

— Здесь? — Детский, божеский
Жест. — Ну-с? — Впилась.
— Е-ще немножечко:
В последний раз!

9

Корпусами фабричными, зычными
И отзывчивыми на зов...
Сокровенную, подъязычную
Тайну жен от мужей, и вдов

От друзей — тебе, подноготную
Тайну Евы от древа — вот:

Я не бóлее чем животное,
Кем-то раненное в живот.

Жжет... Как будто бы душу сдернули
С кожей! Паром в дыру ушла
Пресловутая ересь вздорная,
Именуемая душа.

Христианская немочь бледная!
Пар! Припарками обложись!
Да ее никогда и не было!
Было тело, хотело жить,

Жить не хочет.

Прости меня! Не хотела!
Вопль вспоротого нутра!
Так смертники ждут расстрела
В четвертом часу утра

За шахматами... Усмешкой
Дразня коридорный глаз.
Ведь шахматные же пешки!
И кто-то играет в нас.

Кто? Боги благие? Воры?
Во весь окоем глазка —
Глаз. Красного коридора
Лязг. Вскинутая доска.

Махорочная затяжка.
Сплёв, пожили значит, сплёв.

...По сим тротуарам в шашку
Прямая дорога — в ров

И в кровь. Потайно око:
Луны слуховой глазок...
. . . .

И покосившись сбоку:
— Как ты уже далек!

10

Совместный и сплóченный
Вздрог. — Наша молочная!

Наш остров, наш храм,
Где мы по утрам

— Сброд! Пара минутная! —
Справляли заутреню.

Базаром и закисью,
Сквозь-сном и весной...
Здесь кофе был пакостный, —
Совсем овсяной!

(Овсом своенравие
Гасить в рысаках!)
Отнюдь не Аравией —
Аркадией пах

Тот кофе...

Но как улыбалась нам,
Рядком усадив,

Бывалой и жалостной, —
Любовниц седых

Улыбкою бережной:
Увянешь! Живи!
Безумью, безденежью,
Зевку и любви —

А главное — юности!
Смешку — без причин,
Усмешке — без умысла,
Лицу — без морщин, —

О, главное — юности!
Страстям не по климату!
Откуда-то дунувшей,
Откуда-то хлынувшей

В молочную тусклую:
— Бурнус и Тунис! —
Надеждам и мускулам
Под ветхостью риз...

(Дружочек, не жалуюсь:
Рубец на рубце!)
О, как провожала нас
Хозяйка в чепце

Голландского глаженья...

Не довспомнивши, не допонявши,
Точно с праздника уведены...
— Наша улица! — Уже не наша...
— Сколько раз по ней!.. — Уже не мы...

— Завтра с западу встанет солнце!
— С Иеговой порвет Давид!
— Что мы делаем? — Расстаемся.
— Ничего мне не говорит

Сверхбессмысленнейшее слово:
Рас-стаемся. — Одна из ста?
Просто слово в четыре слога,
За которыми пустота.

Стой! По-сербски и по-кроатски,
Верно, Чехия в нас чудит?
Рас-ставанье. Расставаться...
Сверхъестественнейшая дичь!

Звук, от коего уши рвутся,
Тянутся за предел тоски...
Расставание — не по-русски!
Не по-женски! Не по-мужски!

Не по-божески! Что мы — овцы,
Раззевавшиеся в обед?
Расставание — по-каковски?
Даже смысла такого нет,

Даже звука! Ну просто полый
Шум, — пилы, например, сквозь сон.
Расставание — просто школы
Хлебникова соловьиный стон

Лебединый...
Но как же вышло?
Точно высохший водоем —
Воздух! Руку о руку слышно.
Расставаться — ведь это гром

На́ голову... Океан в каюту!
Океаиии крайиий мыс!
Эти улицы — слишком круты:
Расставаться — ведь это вниз,

По́д гору... Двух подошв пудовых
Вздох... Ладоиь, иаконец, и гвоздь!
Опрокидывающий довод:
Расставаться — ведь это врозь,

Мы же — сросшиеся...

11

Разом проигрывать —
Чище нет!
За́город, при́город:
Дням конец.

Негам (читай — камиям),
Дням и домам и нам.

Дачи пустующие! Как мать
Старую — так же чту их.

Это ведь действие — пустовать:
Полое не пустует.

(Дачи, пустующие на треть,
Лучше бы вам сгореть!)

Только ие вздрагивать,
Раиу вскрыв.
За́город, за́город,
Швам разрыв!

Ибо — без лишних слов
Пышных — любовь есть шов.

Шов, а не перевязь, шов — ие щит,
— О, ие проси защиты! —
Шов, коим мертвый к земле пришит,
Коим к тебе пришита.

(Время покажет еще, каким:
Легким или тройиым!)

Так или йиаче, друг, — по швам!
Дребезги и осколки!
Только и славы, что тресиул сам:
Тресиул, а не расползся!

Что под наметкой — живая жиль
Красная, а не гниль!

О, ие проигрывает —
Кто рвет!
Загород, пригород:
Лбам развод.

По слободам казнят
Нынче, — мозгам сквозияк!

О, не проигрывает, кто прочь —
В час, как заря займется.
Целую жизнь тебе сшила в ночь
Набело, без наметки.

Так не кори же меия, что вкривь
Пригород: швам разрыв.

Души неприбранные —
В рубцах!..
Загород, пригород...
Яр размах

Пригорода. Сапогом судьбы,
Слышишь — по глине жидкой?
...Скорую руку мою суди,
Друг, да живую нитку

Цепкую — как ее ни канай!
По-следний фонарь!

12

— Здесь? — Словно зáговор —
Взгляд. Низших рас —
Взгляд. — Можно нá гору?
В по-следний раз!

Частой гривою
Дождь в глаза. — Холмы.
Миновали пригород.
За городом мы.

Есть — да нету нам!
Мачеха — не мать!
Дальше некуда.
Здесь околевать.

Поле. Изгородь.
Брат стоим с сестрой.
Жизнь есть пригород. —
Зá городом строй!

Эх, проиграииое
Дело, господа!
Всё-то — пригороды!
Где же города?!

Рвет и бесится
Дождь. Стоим и рвем.
За три месяца
Первое вдвоем!

И у Иова,
Бог, хотел взаймы?
Да не выгорело:
За́ городом мы!

За́ городом! Поимаешь? За!
Вне! Перешед вал!
Жизнь, это место, где жить нельзя:
Ев-рейский квартал.

Так ие достойиее ль во́ сто крат
Стать вечиым жидом?
Ибо для каждого, кто ие гад,
Ев-рейский погром —

Жизиь. Только выкрестами жива!
Иудами вер!
На прокажеиные острова!
В ад! — всюду! — ио не в

Жизнь, — только выкрестов терпит, лишь
Овец — палачу!
Право-иа-жительствениый свой лист
Но-гами топчу!

Втаптываю! За Давидов щит —
Месть! — В месиво тел!
Не упоительно ли, что жид
Жить — нé захотел?!

Гетто избранничеств! Вал и ров.
По-щады не жди!
В сем христианнейшем из миров
Поэты — жиды!

13

Так ножи вострят о камень,
Так опилки метлами
Смахивают. Под руками
Меховое, мокрое.

Где ж вы, двойни:
Сушь мужская, мощь?
Под ладонью —
Слезы, а не дождь!

О каких еще соблазнах —
Речь? Водой — имущество!
После глаз твоих алмазных,
Под ладонью льющихся —

Нет пропажи
Мне. Конец концу!
Глажу — глажу —
Глажу по лицу.

Такова у нас, Маринок,
Спесь, у нас, полячек-то.
После глаз твоих орлиных,
Под ладонью плачущих...

Плачешь? Друг мой!
Всё мое! Прости!
О, как крупно,
Солоно в горсти!

Жестока слеза мужская:
Обухо́м по темени!
Плачь, с другими наверстаешь
Стыд, со мной потерянный.

Оди-накового
Моря — рыбы! Взмах:
...Мертвой раковиной
Губы на губах.

В слезах.
Лебеда —
На вкус.
— А завтра
Когда
Просиусь?

14

Тропою овечьей —
Спуск. Города гам.
Три девки навстречу.
Смеются. Слезам

Смеются — всем полднем
Недр, гребнем морским —
Смеются!
— недолжным,
Позорным, мужским

Слезам твоим, видным
Сквозь дождь — в два рубца!
Как жемчуг — постыдным
На бронзе бойца.

Слезам твоим первым,
Последним, — о, лей! —
Слезам твоим — перлам
В короне моей!

Глаз явно не туплю.
Сквозь ливень — перюсь.
Венерины куклы,
Вперяйтесь! Союз

Сей более тесен,
Чем влечься и лечь.
Само́й Песней Песен
Уступлена речь

Нам, птицам безвестным,
Челом Соломон
Вьет, — ибо совместный
Плач — больше, чем сон!

И в полые волны
Мглы — сгорблен и равн —
Бесследно — безмолвно —
Как тонет корабль.

Прага, 1 февраля 1924 —
Иловищи, 8 июня 1924

КРЫСОЛОВ

ЛИРИЧЕСКАЯ САТИРА

ГОРОД ГАММЕЛЬН

(Глава первая)

Стар и давен город Гаммельн,
Словом скромен, делом строг,
Верен в малом, верен в главном:
Гаммельн — славный городок.

В ночь, как быть должнó комете,
Спал без просыпу и сплошь.
Прочно строен, чисто метен,
До умильности похож,

— Не подойду и на выстрел! —
На своего бургомистра.

В городе Гаммельне дешево шить:
Только один покрой в нем.
В городе Гаммельне дешево жить
И помирать спокойно.

Гривенник — туша, пятак — кувшин
Сливок, полушка — твóрог.
В городе Гаммельне, знай, один
Только товар и дорог:

Грех.
(Спросим дедов:
Дорог: редок.)

Ни распоясавшихся невест,
Ни должников, — и кроме
Пива — ни жажды в сердцах. На вес
Золота или крови —

Грех. Полстолетия (пятьдесят
Лет) на одной постели
Благополучно проспавши, спят
Дальше. «Вдвоем потели,

Вместе истлели». Тюфяк, трава, —
Разница какова?

(Бог упаси меня даже пять
Лет на одной перине
Спать! Лучше моську наймусь купать!)
Души господь их принял.

И озаренье: а вдруг у них
Не было таковых?

Руки — чтоб гриву взымать с гроша,
Ноги — должок не додан.
Но, вразумите, к чему — душа?
Не глубоко ль негодный,

Как жардиньерка — гамак — кларнет —
В нашем быту — предмет?

В городе Гаммельне — отпиши —
Ни одного кларнета.

В городе Гаммельне — *ни души,*
Но уж тела́ за это!

Плотные, прочные. Столб, коль дюж,
Дюжины стоит душ.

А приосанятся — георгин.
Ниц! преклонись, Георгий!
Города Гаммельна гражданин, —
Это выходит гордо.

Не забывай, школяры: «Узреть
Гаммельн — и умереть!»

Juri и Rühre и Rühr uns nicht
An[1] (в словаре: не тронь нас!) —
Смесь. А глаза почему у них
В землю? Во-первых — скромность

И... бережливость: воззрился — ан
Пуговица к штанам!

Здесь остановка, читатель. Лжешь,
Автор! Очки втираешь!
В сем Эльдорадо когда ж и кто ж
Пуговицы теряет?

— Нищие. Те, что от грязи сгнив,
В спальни заносят тиф, —

Пришлые. Скоропечатня бед,
Счастья бесплатный номер.

---

[1] Juri — Юрий, Rührei — яичница-«болтунья»; Rühr uns nicht an — не дотрагивайтесь до нас (нем.) — *Ред.*

В Гаммельне собственных нищих нет.
Был, было, раз — да помер.

Тощее ж тело вдали от тел
Сытых зарыть велел

Пастор, — и правильно: не простак
Пастор, — не всем «осанна»!
Сытые тощему не простят
Ни лоскута, ни штаиной

Пуговицы, чтобы знал-де всяк:
Пуговка — не пустяк!

(Маленькая диверсия в сторону пуговицы:)

Пуговицею весь склад и быт
Держатся. Трезв — застегнут.
Пуговица! Праадамов стыд!
Мод и свобод исподних —

Смерть. Обывателю ты — что чуб
Бульбе, и Будде — пуп.

С пуговицею — всё право в прах,
В грязь. Не теряй, беспутный,
Пуговицы! Праадамов крах
Только тобой искуплен,

Фиговая! Ибо что же лист
Фиговый («Mensch, wo bist?»)[1]

[1] «Человек, где ты?» (нем.). — *Ред.*

Как не прообраз ее? («Bin nackt[1],
Наг, — потому робею») —
Как не зачаток, не первый шаг...
Пуговица — в идее!

Пуговицы же (внемли, живот
Голый!) — идея вот:

Для отличения Шатуна
Чад — от овец господних:
Божье застегнуто чадо на
Все́, — а козел расстегнут —

Весь! Коли с ангелами в родстве,
Муж, — застегнись на все!

Не привиденьями ли в ночи
— Целый Бедлам вакантный! —
Нищие, гении, рифмачи,
Шуманы, музыканты,

Каторжники...
Коли взять на вес:
Без головы, чем без

Пуговицы! — Санкюлот! Босяк!
От Пугача — к Сен-Жюсту?!
Если уж пуговица — пустяк,
Что ж, господа, не пусто?

Для государства она — что грунт
Древу и чреву — фунт

[1] «Я гол» (нем.). — *Ред.*

Стерлингов. А оборвется — голь!
Бунт! Погреба разносят!
Возвеселися же, матерь, коль
Пуговицею — носик:

Знак добронравия. (Мой же росс
Явственно горбонос —
В нас.)

Дальше от пуговичных пустот,
Муза! От истин куцых!
От революции не спасет
Пуговица. Да рвутся ж, —

Всё! Коли с демонами в родстве —
Бард, — расстегнись на всё!

(Здесь кончается ода пуговице
И возобновляется повествование.)

Город грядок —
Гаммельн, нравов
добрых, складов
полных, — Рай-

город...

Божья радость —
Гаммельн, здравых —
город, правых —
город...

Рай-город[1], пай-город, всяк свой пай берет, —
Зай-город, зáгодя закупай-город.

Без загадок —
город, — гладок:
Благость. Навык-
город. — Рай-

город...

Божья заводь —
Гаммельн, гадок —
Бесу, сладок —
Богу...

Рай-город, пай-город, Шмидтов-Майеров
Царь-город, старшему уступай-город.

Без пожаров —
город, благость —
город, Авель-
город, — Рай-

город...

Кто не хладен и не жарок,
Прямо в Гаммельн
поез-

жай-город, рай-город, горностай-город,
Бай-город, вовремя засыпай-город.

---

[1] Ударение, как: Мúргород, Бéлгород и пр.

Первый обход!
Первый обход!
С миром сношенья прерваны!
Спущен ли пес? Впущен ли кот?
Предупрежденье первое.

Су-дари, выпрягайте слуг!
Тру-бочку вытрясай, досуг!
Труд, покидай верстак:
«Morgen ist auch ein Tag“[1].

Без десяти!
Без десяти!
Уши законопатить
Ватой! Учебники отнести
В парту! Будильник — нá пять.

Ла-вочник, оставляй мелок,
Бюр-герша, оставляй чулок
И оправляй тюфяк:
«Morgen ist auch ein Tag».

Десять часов!
Десять часов!
Больше ни междометья!
Вложен ли ключ? Вдет ли засов?
Предупрежденье третье.

Бн-блию закрывай, отец!
Бюр-герша, надевай чепец,
Муж, надевай колпак, —
«Morgen ist auch ein...»

— Спят
Гаммельнцы...

[1] Еще и завтра будет день (нем.). — *Ред.*

СНЫ

(Глава вторая)

В других городах,
В моих (через край-город),
Мужья видят дев
Морских, жены — Байронов,

Младенцы — чертей,
Служанки — наездников...
А ну-ка, Морфей,
Что — гаммельцам грезится

Безгрешным, — а ну?
— Востры, — да не дюже!
Муж видит жену,
Жена видит мужа.

Младенец — сосо́к,
Краса толстощекая —
Отцовский носок,
Который заштопала.

Повар пробует,
Обер требует.
Всё как следует,
Всё как следует.

Вдоль спицы петля —
Так всё у них плавно!
Павл видит Петра,
А Петр видит Павла,

Коиечно — внучат
Дед (точку — прозаик),
Служанка — очаг
И добрых хозяев.

Каспар — заповедь,
Пастор — проповедь.
Не без проку ведь
Спать, — ие плохо ведь?

Пуды колбасы —
Колбасник (со шпэком),
Суд видит весы,
Весы же — аптекарь,

Наставиику — трость,
Плод дел его швейных —
Швецу. Псу же — кость?
Ошиблись: ошейник!

Стряпка — щипаиое,
Прачка — плисовое.
Как по-писаиому!
Как по-писаиому!

— А сам бургомистр?
— Что въяве — то в дреме.
Раз он бургомистр,
Так что ж ему, кроме

Как бюргеров зреть,
Вассалов своих?
А сам бургомистр —
Своих крепостиых.

Дело слаженное,
Платье сложенное, —
По-положенному!
По-положенному!

(Лишь тон мой игрив:
Есть доброе — в старом!)
А впрочем, чтоб рифм
Не стаптывать даром —

Пройдем, пока спит,
В чертог его (строек
Царь!) — прочно стоит
И нашего стоит

Внимания...

Замка́ не взломав,
Ковра не закапав, —
В богатых домах
Что́ первое? запах.

Предельный, как вкус,
Нещадный, как Тора,
Бесстыдный, как флюс
На роже актера.

Вся плоть вещества —
(Счета́ в переплете
Шагреневом!) — вся
Вещественность плоти

В нем: гниль до хрящей.
С проказой не шутят!

Не сущность вещей —
Вещественность сути:

Букет ее — всей!
Есть запахи — хлещут!
Не сущность вещей:
Существенность вещи.

Не сущность вещей
— О! и́ не дневала! —
Гнилых овощей
(Так пахнут подвалы)

Ему предпочту.
Дух сытости дивный!
Есть смрад чистоты.
Весь смрад чистоты в нем!

Не запах, а звук!
Мошны громогласной
Звук. Замшею рук
По бархату красных

Перил — а по мне:
Смердит изобилье! —
Довольством — вполне.
А если и пылью —

Не нашей — с весной
Свезут, так уж што ж нам?
Не нищей: сквозной,
А бархатной — штофной —

Портьерной. Красот
Собранием, скопом

Красот и чистот,
А если и пóтом, —

Добротным, с клеймом
Палаты пробирной,
Не нашим (козлом),
А банковским, жирным,

Жилетным: не дам.

По самое небо
— О Ненависть! — храм
Стоглавый тебе бы —

За всех и за вся.

Засова не сняв,
Замкá не затронув.
(Заметил? что в снах
Засовы не стонут,

Замки не гремят?
Врата без затвора —
Сон. Дóмы — без врат.
Всé — тени, всé — воры

В снах.)

Сто — невест тебе!
Все — с запястьями!
Без-ответственно.
Бес-препятственно.

Cé — час жениха!
За кражи! за взломы!
Пустить петуха
В семейные домы!

В двуспальных толстух,
В мужей без измены.
Тот красен петух —
Как стяги — как стены

В *иных* городах...

Засова не сняв,
Замка не затронув,
Посмотрим, как здрав
В добротных хоромах
Своих — бургомистр.

Домовит, румяиист —
Баю-бай, бургомистр.

Завершенная седмица —
Вургомистрова чело.
Что же мнится? что же снится
Вургомистру? Ни-че-го.

Ничего (как с жир-горы
Пот-то!); то есть: бюргеры.
Спи, жирна, спи, верна,
Бургомистрша, жена

Бургомистрова: синица,
Переполнившая зоб.

Что же мнится? что же снится
Бургомистрше? (Хорошо б,

Из перин-то вырвавши...)
...Бюргеры, ей — бюргерши.

Той — пропавший бéз вести,
Этой — Цезарь рядышком...
Женщине ж порядочной
Ничего не грезится.

Спи-усни, им не верь,
Бургомистрова дщерь.

Соломонова пшеница —
Косы, реки быстрые.
Что же мнится? что же снится
Дочке бургомистровой?

Запахи, шепоты...
Всё — и еще что-то!

НАПАСТЬ

(Глава третья)

Тетки-трещотки,
Кухарки-тараторки,
— Чепцы, кошелки —
Бабки-балаболки.

— Сала для лекаря!
— Трав для аптекаря!

— Свежего красного
Легкого для пастора!

— По-следней дойки!
Девки-маслобойки.
— Ядреной крупки!
Стряпки-мясорубки.

— Счастья, здоровья,
Сил на три месяца!
— Свежих воловьих
Жил для ремесленников!

Тетки-трещотки,
Торговки-горлодерки,
— Кофты на байке —
Хозяйки-всезнайки.

— Све-жая требуха!
— Жи-вого петуха!
— Масляна, не суха!
— Серд-ца для жениха!

— Сливки-последки!
Соседки-добросердки.
— Свежего! с ледичку!
Советницы-сплетницы.

— Взвесь, коль не веришь!
— Жарь — не ужарится!
— Гу-синых перьев
Для нотариуса!

— О-вощи, да с гряды!
— Со-вести для судьи!

Кур-ки-цесарки,
Невесты-перестарки,
Свежи, с постельки,
Вдовицы-коротельки.

— Мни, да не тискай!
— Рдянь — не редиска!
— По-лушка с миской!
— Мозгов для бургомистра!

— Что хотите, то берите!
Подолы́, капора́.
Поварихи-разберихи,
Румяные повара.

Но-сы приплюснутые:
— Чего бы вкусненького?
Ла-дошки — ширмочками:
— Чего бы жирненького?

Выловить.
Выудить.
Выведать.
Выгадать.

— Все́ чехлы посняли с кресел!
— А гостей! А гостей!
— Нынче пекарева крестят!
— Новостей! Новостей!

Язвы-тихони.
Один в трахоме
Глаз, другой — пенится.
Сидни — кофейницы.

— Женишка-то, чай, постарше!
— А наряд! А наряд!
— Говорят, что у почтарши...
— Говорят... Говорят...

Язвы-шнырялы,
Кляузы-обмиралы,
— Нá площадь сор неси! —
Козни-цикорницы.

— Нацепил зеленый галстук!
— Ловелас! Ловелас!
— Мясник с тещей поругался!
— А у нас! А у нас!

— Ред-ко-сти...
— Хит-ро-сти...
— Кхе-кхе-кхе...
— Кхи-кхи-кхи...

— Бургомистрова-то Грета!
— Не того! Не того!
— Третью ночь сидит до свету!
— Каково? Каково?

— Свечку жжет...
— Век свой жжет...
— Счастья ждет...
— В гроб пойдет...

— Скатертей одних — с три пуда!
— Чай, одна! Чай, одна!
— Ни за кем, отцу, не буду,
— Не жена! Не жена!

— Грех-таки...
— Стыд-таки...
— Кхе-кхе-кхе...
— Кхи-кхи-кхи...

— Поглядеть — одни костяшки...
— Не в соку! Не в соку!
— К нам на кашку! К нам на чашку
Кофейку! Кофейку!

Клуб
Женский — закрыт:
Суп
Перекипит.

Город грядок
Гаммельн, нравов
добрых, складов
полных...

Мера! Священный клич!
Пересмеялся — хнычь!
Перегордился — в грязь!
Да соразмерит князь

Милость свою и гнев.
Переовечил — хлев,
Перемонаршил — бунт.
Zuviel ist ungesund[1].

В меру! Сочти и взвесь!
Переобедал — резь,

---

[1] Излишество вредит (нем.). — *Ред.*

(Лысина — перескреб),
Перепостился — гроб.

Перелечил — чума!
Даже сходи с ума
В меру. Щелчок на фунт:
Zuviet ist ungesund.

В меру и мочь и сметь:
Перезлословил — плеть,
Но и не перегладь:
— Только не передать! —

Не пере-через-край!
Даже и в мере знай
Меру: вопрос секунд.
Zuviet ist ungesund.

В меру! Om rechten Mass! [1]
Верный обманет глаз.
В царстве — давно — химер —
Вера и глазомер.

Мера и сантиметр!
Вот он, разумных лет
Лозунг, наш тугендбунд.
Zuviet ist un —

Но красоты одной — сало, слышишь? —
Вреден излишек.

Переполненья же складов — рисом —
Следствием — крысы.

---

[1] В меру (нем.) — *Ред.*

Саго и сала и мыла — в меру,
Господи, дáруй!
Так и гремит по всему базару:
«Склады-амбары».

Так, чтобы в меру щедрот: не много
Чтоб, и немало.
Так и гудит по живому салу́:
«Склады-завалы»[1].

К вáм, сытым и злым,
К вам, жир и нажим:

Злость сытости! Сплёв
С на-крытых столов!
Но — в том-то и гвоздь! —
Есть — голода злость.

Злость тех, кто не ест:
Не есть — надоест!
Бес-сильных не злобь!
(Кры-синая дробь.)

Злость тех, кто не сыт:
Се-годня рысит,
А завтра — повис.
(Кры-синая рысь.)

[1] В последующих строках ударяются слоги: первый, второй и последний.

(Скороговорка)

Не сыт и не спит
(Крысиная сыпь),
По сытеньким — прыг
(Крысиная прыть).

Дом. Склад.
Съе-дят
До — крох
(Крысиный горох).

Зря — крал,
Зря — клал,
Зря — греб
(Крысииый галоп).

. . . .

— Сказок довольио!
Слушать герольда!
Всех, кто отчизие — сыи,
Оповещаю сим...

Не углубляясь в частиости:
Гаммельн в опасности!

Горний и дольний!
Слушать герольда!

Всé и семижды всé
Зиайте: иа волоске

— Вот уже рвущемся —
Наше имущество,

Слава и класс.
— Граждаие, глас

Девы, словес не тратящей:
Постаиовлеиье ратуши:

Будь то хоть бес, хоть жид,
Тот, кто освободит

Город от тьмы крысииой,
В дом бургомистра — сыиом

Вступит — прошу поиять:
Сын означает: зять.

(Треск барабаииый.)
В Гаммельие anno
Domini...[1]

В тот же час — вините будочника:
Что ж ои не усторожил?! —
В город медленно входил
Человек в зелеиом — с дудочкой.

---

[1] В лето господне (лат.). — *Ред.*

УВОД

(Глава четвертая)

Ти-ри-ли,
По рассадам германской землн,
Ти-рн-рам,
По ее городам
— Красотой ни один не оставлен —

Прохожу,
Госпожу свою — Музыку — славлю.

Нынче — здесь,
Да и то вполовннку, ие весь!
Ти-рн-рам,
Завтра — там,
И хотя повсеместно оболган —

Стар и мал,
Равнодушно никто не внимал
И никто не отказывал в долгом
Взгляде — вслед.

Только там хорошо, где нас нет!
— Сердцелов! —
Только там хорошо, где ты нов:
Не заведом, не дознан, не вызнаи.

«Прнжилнсь», —
Эта слнзь называется — жизнью!

Переезд!
Не жалейте насиженных мест!
Через мост!

Не жалейте насиженных гнезд!
Так флейтист, — провались, бережливость! —

— Перемен! —
Так павлин
Не считает своих переливов.

Ти-ри-ли!
Провалитесь, мешки и кули!
Ти-ри-ли!
Проломитесь, мучные лари!
Вместо гаммельнских — флейта не ферма! —

— Переступ —
Лип и круп —
Есть индийские пальмы и перлы.

Перелив.
Человек не ключарь кладовых!
Половик,
Червь, а не человек — тыловик!
Это Гаммельн, а есть Гималаи:
Райский сад.

Так да сяк —
Этот шлак называется — Раем!

Оторвись!
По дорогам цветет остролист!
Отвались!
По оврагам цветет барбарис
Кисловатый.

Лишь бы сыт!
Этот стыд называется: свято.

Крысы, с мест!
Не водитеся с сытостью — съест!
Крысы, с глаз!
Осаждаемый сытостью — сдаст
Шпагу...

О крысоловах злословят:

Дело слов:
Крысо-лов?
Крысо-люб: значит, любит, коль ловит!

Крысы, в...

— Што ж мы?
— В чем дело ж?
— Тошно!
— Приелось!

— Вкусно ж —
— В чем тайна?
— Скушно:
Крайне.

Без борьбы человек не живет.
— У меня отрастает живот:
До колен, как у царских крыс.
— У меня — так совсем отвис.

— Без борьбы человек не жилец!
— У меня разминулись жилет
С животом: не разлад, а брешь.
— У меня объявилась плешь.

— Житие — не жисть!
— Разучился грызть!

— Не поход, а сласть!
— Разучился красть!

— Утром — булки, не меньше двух.
— У меня пропадает слух.
— У меня пошатнулся зуб.
— У меня остывает зуд
В зубах...

— Без слуги не влезаю в башмак...
— Есть дорога такая — большак...
— Без борьбы и овраг — острог...
— Хорошо без сапог!

— Не поход — погост.
— У меня отсыхает хвост.
— В полдень — клецки, не меньше трех...
— У меня — так совсем отсох.

— Без обид, без злоб...
— Назревает зоб...

— Чуть обут-одет —
Уж опять обед
Из трех блюд...

— Знали б — зá версту не пошли б!
— Помнишь странную вещь — башлык?

Сшиб да стык,
Штык да шлык...

— Без слуги не влезаю в обшлаг...
— Есть дорога такая — большак...
. . . .

— Больше сил моих нету: пас!
— У меня заплывает глаз.
— У меня отпадает слог.
— У меня — так совсем затек

Мозг.

— В Москву! — В Карлсбад!
— У меня оседает зад.
— У меня по утрам, прострел.
— У меня — так совсем осел

До земли...

— Лыжи — и к богу!
— Грыжа!
— Изжога!

Свыкнись —
И крышка!
Сытно —
Слишком.

— Три денька таких — и готов:
— Начинаю любить котов
И купцов...
— Заушат — прощу.

— Завтра дочку свою крещу:
Мне-то всё одно, ну, а ей —
Ей — целей.

— Не бивак — насест!
— У меня пропадает жест.

Флейта

— Где-то Инд... —

— Начинаю вдаваться в винт.
— Различать твое.
— Запнрать белье.
— Без штанов махал!
— Начинаю вводить крахмал

В туалет.
— Самолично вощить паркет.
— Господа, секрет:
Отвратителен красный цвет

Мне.
— Нам всем!
— От стыда засыпаю в семь.
— Недурен наезд!
— Начинаю бояться мест

Под мостами.
— Масс.
— Материнских глаз.
— Ну, а я — стрельбы!
— Отчего у дворян гербы, —

А у нас...

Гладко, —
Как шваброй!
— Взятки!
— Подагра!

— В трюм бы!
— В гром бы!

...Тумбы.
...Пломбы.

В самый гром бы да в самый шторм!

Флейта

— Пе-ре-корм.

— Всё назад, чуть съем.
— И естественно: после схем,
Диаграмм — да в склад!

Обращение «камерад»
Устарело. Ввиду седин
Предлагаю вам «господин»...
Господин гражданин...
Для... форм...

Флейта
(настойчиво)

— Перекорм.

Пересып.
Если б досыта — не пошли б,
Спали б до́мертва — не пошли б
Ни кило́метра, ни шестой:

Перестой.

Чудо ж делают, не присев:
Перепев.

Пересест!
Не жалейте насиженных мест!
Перемен!
Не жалейте надышанных стен!
Звезд упавших — и тех не жалейте!

Мертвым — мир.
Выход в мир
Вот по этой по самой аллейке, —

Чуть левей.
— У меня пятьдесят сыновей!
Как один.
— У меня проржавел карабин.
. . . .

— К черту всю
Быль с ее трехсотлетними Lind'ами![1]
— Идем завоевывать Индию!

Напролом!
— У меня недостроенный дом!

— Строим — мир!
— У меня недоеденный сыр!

— Выше носу же не переплюнешь!

Флейта

— Переплюнь!
В синь! в июнь!
В новизну! и к тому — новолунье ж!

---

[1] Липами (нем.). — *Ред.*

Чтоб шагать молодцом —
Выступать нагишом!

Чтоб сошелся кушак —
Выступать натощак!

— Да здравствует полк!
Клыков перещелк.

— Довольно с нас круп!
Курков перещуп.
. . . .

— Крысы, марш!
Нам опостылел домашний фарш!
Свежесть, которой триста
Лет, — не свежа уже! Шагом, марш!
Кто не прокис — окрысься!

Нам опостылел молочный рис!
Погорячее в ранцах!
Три миллиарда индийских крыс
Велико-океанских

Ждут, лихорадочные рои
Крысьего штурм унд дранг'а:
С кошками мускусными бои
На побережьях Ганга,

Ждут. Не до слоек, не до колбас
Гаммельнских, венских, пражских!
Мы — на вселенную! Мир — на нас!
Кто не пропах — отважься!

Вот они, слойки!
Сдвинься, стройся!

Вот они, смальцы!
Щерься, скалься!

Ни крупинки не припрятавши —
Шагом, шагом мимо ратуши!

Чванься! пыжься! высься! ширься!
Мимо рынка, мимо кирки.

Мыслью — вестью — страстью — выстрелом —
Мимо дома бургомистрова.

А на балконе...
Ах! а с балкона...
Вроде ожога...
Вроде поклона...

Вроде Шпраза
Щечного — тссс...
Кажется — розу
Поднял флейтист?

(Дело вежливости!)
Не задерживаться!

Вышел радоваться, —
Не оглядываться!

Вот он, в просторы — лбом,
Города крайний дом.

Око-ём!
Грань из граней, кайма из каём!
«Отстаем», —
Вот и рифма к тебе, окоём!

Скороход
В семитысячемилевых, флот,
Обогнавший нас раз
Навсегда, — дальше глаз, дальше лба:

Бредовар!
Растопляющий всякую явь —
Аки воск, —
Дальше всех наших воплей и тоск!

Тоскомер!
Синим пó синю (восемь в уме),
Как по аспиду школьной доски,
Давший и меру и скорость тоски:

Окохват!
Ведь не зря ж у сибирских княжат
Ходит сказ
О высасывателе глаз.

Ведь не зря ж
Эта жгучая женская блажь
— Орд и стай —
По заглатывателю тайи.

Окоим!
Окодёр, окорыв, околом!
Ох, синим-
сине око твое, окоем!

Вышед в вей,
Допроси строевых журавлей,
В гаолян —
Допроси столбовых каторжан!

— Он! — За ним?
— Он же! — Ну, а зá?
— Он же...
— Джаным!
Здесь — нельзя.
Увези меня зá

Горизонт!..

— Шел или спал?
— Штиль или шквал?
— Рус или сед?
— Наш ли уж свет?

— Дали не те!
— Ели не те!
— Горы не те!
— Гулы не те!

— Наш или тот?
— Час или год?
— Год или три, —
Сколько же шли?

— Даль не та!
— Пыль не та!
— Синь не та!
— Тень не та!

— Плыл или мчал?
— Гаммельн? Квартал.
— Гаммельн? Проспал.
— Гаммельн? Читал

В сказке.
— Весьма не новая
Сказка: левей Ганновера.

— Лес не тот!
— Куст не тот!
— Дрозд не тот!
— Свист не тот!

— Юн как Ахилл!
— Гаммельн? Гостил!
— Гаммельн? Простыл!
— Гаммельн? Учил

В книжке, покамест та́мбуром
Тетки...
— С меня так Гамбурга

Хватит!

— Вздох не тот!
— Ход не тот!
— Смех не тот!
— Свет не тот!

Синь, а не бел!
— Гаммельн? Пробел.
— Гаммельн? Прозрел:
Блюдо, и ел

С пивом, в одном приятном
Обществе: Hammelbraten[1].

Славный кусок!

— Гаммельн? Дай срок!
— Гаммельн? Заскок!
— Гаммельн? Отек

Мозга.
  — Внимания требую:
Гаммельна просто не было:

Пыль.
Мель.
Моль.
Нуль.
. . . .

— Говорю вам: не те холмы!

— Не Германия!
— Много далее!
— Не Германия!
— И не Галлия!

— Одурманены!
— Знай да взъахивай!
— Не Германия!
— И не Влахия!

— Тише тихого!
— Дольше длинного!

[1] Жареная баранина (нем.). — *Ред.*

Коль не Скнфня,
Значит...
— Индня!

Флейта

Индостан!
Грань нз граней, страна нз стран.
Синий чан —
Это ночь твоя, Индостан.

«Здесь» на «там»
Променявший, н «дай» на «дам»,
Гамма гамм,
Восходящая прямо в храм,

Рнс, манс,
Промываемый девой нз
Кув-шнна́:
Тишнна твоя, Индостан.

Как стрелок
После зарослей и тревог
В пушину —
В тнпшну твою, Индостан, —

Человек...

— Па́годы купола́!
— Что-то снним-снне!
— Рнсовые поля!
— Пальмовое внно!

С первоначальных бед,
С первоначальных дрём,
Детский и крысий бред
Сахарным тростником.

Миру который год?
Миру который миг?
Перец, в ветрах, цветет!
Сахар, в ветрах, шумит!

Не целина — шагрень!
У синевы налет
Сливы. Четвертый день
И никоторый год.

Смол.
Гул.
Вол.
Мул.

Не полотно — резня
Красок. Дотварный ил.
Творческая мазня
Гения. Проба сил

Демона. В первый раз
Мóлотом о кремень.
Миру четвертый час
И никоторый день.

Девы
Ганга!
Древо
Манго!

Индиго! Первый цвет!
Индия! Первый крик
Твари. Вперись, поэт:
Миру — четвертый миг!

Час предвкушаю: смяв
Время, как черновик...
Ока последний взмах
И никоторый миг

Миру...

Старая крыса

Так-таки и зудит!
Что-то — будто бы — точно — вид
Этой местности мне знаком.
Чем-то пагода на закром
Смахивает...
— Тюрбан! Брамин!

Старая крыса

Что за Индия, где овин
На овине...
— Бомбей! Базар!
Дервиш с коброю!

Старая крыса

И амбар
На амбаре...
— Дворец раджи!

Старая крыса

Вот так тропики в поле ржи!

Черным пó белому, по складам:
Пальма? Мельня. Бамбук? Шлагбаум.
Кондор? Коршун. Маис? Горох.
Мы от Гаммельна в четырех

Милях, — горсточка, а не полк!

Флейта

Кривотолк!
Рвите шкурника, чтобы смолк!
Крив и кос
Тот, кто в хоботе видит нос
Собственный, и в слоне — закрóм.
Крив и хром.

(Хлеще! хлеще! рассыпай! нижн
Хроматические гаммы лжн!)

Лжец и трус
Тот, кто в будущем видит — груз,
Мертв и сгнил
Тот, кто идучи, виднт тыл
Собственный, и в просторах — порт.
Переверт!

Передерг!
Верьте Музыке: проведет
Сквозь гранит.
Ибо Музыки — динамит —
Младше...
— Всé иа единый фронт!
Горизонт!

— Озеро!
— Яхонт!

— Розовым
Взмахом.

— Видишь? —
Самим бы!
Ибис!
Фламинго!

Старая крыса

Синее топит!
— Зеркало тропик!
Кротость —
В сапфирах!
Лотос!
Папирус!

В воду —
Как в спальню.
Озеру —
Пальмы
Низкопоклонство.
— Споем!
— Напьемся

Соком лотосовым: покой.

Флейта

Водопой.
Дальним — варево и постой.

Спят и пьют.

Старая крыса

Говорю вам, что это — пруд
Гаммельиский: триста лет как сгнил!

Флейта

Кро-ко-дил!

— Сбудется!
— Близится!

Старая крыса

Лужица
Жижица!
— Шелком ла́стится!

Старая крыса

Головастики!
Безголовым и главарю:
Головастики, говорю!

Флейта

Словарю —
Смыслов нищему корчмарю,
Делу рук —
Кто поверит, когда есть звук:
Царь и жрец.

Старая крыса

Говорю вам, что это лжец,
Лжец, агент!

Флейта

Лжет ие Музыка — инструмент!

Старая крыса

Trug und Schand![1]

Флейта

Лжет не Музыка — музыкант!
Обособь!

Старая крыса

Говорю вам, что это топь,
Гать!

Флейта

Пусть так!
Лучше Музыка, чем мышьяк.

Старая крыса

Смерть!

Флейта

Что в том?
Лучше озеро, чем закром,
Сплыл, чем сгнил!
Тина? Полно! Коралл! Берилл!
Изумруд...

Ведь не в луже, а в звуке — мрут!

Чтó тело? Тени тень!
Век тела — пены трель!
Нир-вана, вот он, сок!
Ствол пальмы? Флага шток.

[1] Обман и стыд! (нем.). — *Ред.*

В мир арок, радуг, дуг
Флагштоком будет — звук.
Чтó — руки! Мало двух.
Звук — штоком, флагом — дух

Есмь: слышу! («вижу» — сон!).
Смысл выше — ниже тон.
Ни-жайший. Тела взмёт,
И — тихо: иота нот.

Воздух душен, вода свежа.
Где-то каждый из нас раджа.
(В смерти...)
С миром глаза смежи...

— Этой Индии *мы* — раджи!

Раджа на радже!
Но крыс тех уже —
Никто и нигде:
Круги на воде.

В РАТУШЕ

(Глава пятая)

Тайные, статские —
Здравствуйте, ратсгерры!
Старого Гаммельна
Стены избавлены
От даровых жильцов.

Праздинк котлов,
Шествие протнвией, —
Крысы утоплены!

Не был Цезарем бы —
Стал бы поваром бы...
Бейте в сковороды!
Бейте в сковороды!

Диям беспрепятственно
Радуйтесь, ратсгерры!
Ибо очнщены
Склады — от хищников,
Головы — от идей.

В ско́вороду — бей!

Иллюминацией
Празднуйте, ратсгерры,
— Цукром с цикорнем —
Чудо-викторию
Без кулаков, без пуль.

Праздннк кастрюль.
Ратсгерры, до́жилн:
Крысы уложены.

Сладко ль, солоно лн —
Делать нечего —
Вам — исполнеиное,
Мне — обещанное.

Трепеток.
Шепоток.

Раты — вкось,
Герры — вбок.

Щеки — мак,
Брови — еж:
— То-есть — как?
— То-есть — что ж?

(Полка с мопсами
В лавке глиняиой!)
— Что же — собствеино?
Что же — именно?

— Ясио и точио, без «нечто» и «где-то»:
В собствеиность деву, по имеии Грета.

— Грету? Не Греты у нас и иет:
В землях живем германских.
В городе Гаммельне столько ж Грет,
Сколько, к примеру, Гансов.

Ганс или Грета. Не Грета — Ганс.
За валуиами в реку —
В Гаммельи за Гретами. Контра-данс:
Коли ие Ганс — так Грета.

Выйдет тебе
Суженая!
Выводками!
Дюжнами!

Не косорукий, да не слепой —
Уж себе Грету сыщешь!
Выемка — всё иа один покрой! —
В ямку и прыщик в прыщик.

Оспа в оспину,
Чутка в чуточку,
Чью же собственно,
Грету?
— Шутите!

Чью же, думали, высвистывал
Грету — как не бургомистрову?

Кипяток.
Топотеж.
Раты — в скок.
Герры — в лежь,

Раты — в ик,
Герры — в чих.
— И шутник!
— И жених!

Сто кабанов захрюкало:
Заколыхали брюхами.
— Ой, насмешил! Утешил же! —
Заполыхали плешами.

— В эдаком фартучке
Девоньку?
— Так-таки.

— С коробом по́честей
Девоньку?
— В точности.

Раты — в фырк,
Герры — в ве́рт.

4 Заказ 849

— Ну и франт!
— Ну и ферт!

Очи — в узь,
Щеки — в глянц.
— Ну и гусь!
— Ну и Ганс!

— С кузовом серебра
Девоньку?
— Сеяли!

— Полную житницу
Девоньку?
— Жиите же!

— Нотный тюк!
Штанный клок!
Ну — супруг!
Ну — зятек!

Уж и шустр!
Уж и быстр!
Ржет без чувств
Бургомистр.

— Наспех, да наскоро
Свадебку?
— Ратсгерры!
Первую в городе
Девушку?
— Боровы!

«Будь то хоть бес, хоть жид,
Тот, кто освободит

Город — хоть слеп, хоть спятил! —
В дом бургомистра зятем
Вступит, в графу особ
В городе — первых...»
                    — Стоп!

Не в хороводе иебось дуда, —
В Думе! Шажком! Аида́ите!
Только про беса и про жида,
Где же про музыканта

Сказано?
        Как завершен обряд —
Милости просим, брате!
Всяк музыкаиту иа свадьбе рад, —
Только не в роли зятя.

За музыканта! за иотный крюк!
Звук! флейтяиую дырку!
Где ж это видаио, чтобы вдруг
Да с музыкантом — в кирку?

За музыкаита! За иервный ком —
Дочку! милей ковач мие!
Что же и делать-то ей с тюком
Нотиым — иа ложе брачном!

За музыкаита! за голый боб!
Может — в краях незиамых —
Только не слыхивал Гаммельн, чтоб
За музыкаитов — замуж!

— Что есть музыка? Щебет птах!
Шутка! Ребенок сладит!

— Что есть музыка? Шум в ушах.
— Увеселенье свадеб.

— Беспоследственный дребезг струн.
— Скука и крики браво.
— Что есть музыка? Не каплуи,
А к каплуну — приправа.

— За-бывается: молод был,
Сам загибал преловко!
— Мешаииия из бычьих жил,
Дерева и сиоровки.

Околпачивающий пар.
— Нет! Музыкаитов кормим
Для того, чтобы пищи вар
В нас протекал проворней.

— Полегоиечку — за пивцом —
Да чтобы жеиский пол был...
Две-три арийки перед сиом...
Только не очеиь долго.

— Что есть музыка? с первых
иот:
«Что бы вам, братцы, коичить?»
— Ну а я так — наоборот:
Только бы что погромче,
Побасистее!

— Раио встав,
Да коли восемь ртишек...
— Превышение всяких прав.
Гетто: себя ие слышишь!

— Музыка? Гриф
С лентами.
                — Шлиф.
— К зеву позыв.
— Так... перелнв...

— После сольцы́ — пнроженое...
— Из пустоты — в порожнее...
— Не осведомлены, префект:
Музыка есть аффект.

Аффектацня некнх чувств,
Коих и нету. Хам, мол, —
Кто не чувствует.
                — Как нн тщусь:
Что-лнбо, кроме гаммы, —

Беспоследственно.
                — Факт есть факт:
Музыка есть антракт.

— Рукоделие праздник дур.
Что до меня — так стойко:
Пуще всяческих увертюр
Мне по нутру — настройка

Перед онымн.
                — Фонд есть фонд.
Музыка есть афронт —

Смыслу здравому. Вящий вздор,
Нежель чулок с ажуром.

Бургомистр

Выше-высказанное — вздор,
Истина есть. Скажу вам.

Думали — гриф
С лентами? Шлиф?
К зёву позыв?
Так... перелив —

Музыка? Тиф —
Музыка! Взрыв!
Пó степи — скиф!
Жил перерыв!

За головню да голыми —
Хвать! Из огня да в полымя!

Пострашнее, чем шум в ушах,
Грёзы, глаза зажмуря.
Музыка — это банков крах,
Раскрепощенье фурий.

Приглашается папа Пий
На рождество предместий.
Quatuor[1] четырех стихий,
Раскрепощенье бестий.

Рабской сущности унтергрунд —
Музыка — есть — бунт.

Бунт архангела. Бунт скота.
Бунт галуна в передней.

[1] Квартет (лат.). — *Ред.*

Не невеста — клоком — фата! —
За фортепьяно — ведьма!

Лучше шулера пощади,
Чем музыканта! Дрёма —
В креслах? Бесы на площади́
Думской — и бесы в доме!

Женской сущности септ-аккорд —
Музыка — есть — черт.

Лупоглазого школяра
В пасмах — кулак Потсдаму.
Что есть музыка? Ça ira![1]
Ратсгерры, вот вам гамма!

В оперении райских птах
Демоны: stirb und tödte![2]
Что есть музыка? Тайный страх
Тайного рата Гёте —

Перед Бетховеном.

Брови — вверх,
Краска — в нос.
Раты — в перх,
Герры — в чёс.

Раты — в крёхт,
Герры — в чох.
— С нами фохт!
— С нами бог!

---

[1] Будет дело! (франц.). — *Ред.*
[2] Умри и убей (нем.). — *Ред.*

Только, талант непризнан,
Ратсгерр от Романтизма,

Новорожденски-розов
И Филомелой прозван:
«Музыка в малых дозах —
Это не так серьезно».

Бурго-же-мистр, величав и льдист:
— В нас говорит артист.

Ратсгерр от Романтизма

Tempi passati![1]

Бургомистр

Ратсгерры, сядьте!

Шутки за рюмкой.
Думсгерры, думьте!

Можно ли — непостижим господь —
За музыканта — плоть

Нашу.

В городе — впрочем, одна семья
Гаммельн! Итак, в семействе
Гаммельнском — местоименья «я»
Нет: не один: всё вместе.

[1] В прошлом! (итал.). — *Ред.*

За исключением веских благ
«Я» означает — всяк.

Славное слово, и есть в нем прок:
Всяк! Так и льнет шубейкой!
Автору же этих скромных строк
— Озолоти! убей хоть! —

Только одна в нем — зато моя! —
Буква понятна: я.

Необоримая! Так алмаз
Жив в чистоте пожара.
Неповторимая! Что есть аз?
Что не бывает парой.

На языке невозвратных рас
Аз означает: раз.

(Азры...)

В городе Гаммельне лишь азы́...
Впрочем, язык прикусим.
Страшное слово! Страшней грозы
В полночь, гостей за гусем:

Я! (В пожирающем большинстве
«Я» означает — «всё».)

Как у соседей! Как у людей!
Не мое дело — всё так!
Автору же, ясновидцу лжей,
Оку — из самых светлых,

Только одна в нем — прошу понять —
Буква доступна: ять.

Я: нагруженная до края
Яблонь: снимай не снимешь!
В Гаммельне ж — вместо *именья:* я —
Мы — лишь тогда не мнимость,

Не глухонемость, не пень, не тын —
С буквы когда — в аршин!

(Право гигантов!)
— За музыканта?
Это пикантно!
Это пикантно!

Время — пропало!
Место — пространство!
— За зубоскала!
— За голодранца!

— Без будущего!
— За дудочника!

В доме — гнусь.
В лавке — долг.
Черный гусь!
Белый волк!

С крыши — душ,
В спальне — штранд.
— Кто ваш муж?
— Му-зы-кант.

Рук — вместо платы,
Плеск — вместо мяса.

— За звездохвата!
— За лоботряса!

В грёзы да в планы
Первенца кутай.
— За великана!
— За лилипута!

— За о́пусника!
— За фокусника!

Вечный иск!
Всё в ломбард!
Крысий писк
Квинт да кварт,

Деток — кладь,
Geld ist Sand[1].
— Кто ваш зять?
— Му-зы-кант.

Дудка! для этого нужен дых
Дюжий, — весь день дудишь-то!
Не затруднительно в молодых
Лётах, а что с одышкой?

Не пригодишься и нужники
Чистить. В слепцы, с жестянкой?
А неоплатные должники —
Все́ они музыканты!

Ратсгерры белым
Полнятся гневом:

[1] Деньги — песок (нем.). — *Ред.*

— Первую в целом
Городе — деву?

Первому? — браво!
Встречному? — ново!
— За крысодава?
— За крысолова?

Бессахарника?
— За каторжника!

Общий ров.
Гроб в обрез.
Ни венков.
Ни словес.

Помер — прей.
Umbekannt[1].
— Кто был сей?
— Му-зы-кант.

Сомущены — в сумятице —
Глазки, обычно в маслице,
Губки, обычно бантиком,
Ратсгерра от Романтики:

— В городе Гаммельне вечных благ
Нет, хоть земных и густо.
Гения с Гаммельном — тот же брак,
Что соловья с капустой!

К Розе приписана соловью
Страсть. Изменив пенатам,

[1] Неизвестен (нем.). — *Ред.*

Над соловьем моим слезы лью,
А соловей — женатый!

Гения с Гаммельном — где же такт?
Вкус? — не в родстве! не в тоне!
Невразумительней есть ли факт,
Чем соловей — в законе?

Брак — это за́борт: занесть, залечь,
Закись — тюфяк — свинина...
Не небожителя слышу речь,
Други, а мещанина!

Сам в бургомистровы рад бы влезть
Туфли, — так я — предместье!
Но небожителю — что́ за честь
Звать бургомистра — тестем?

Многозначителен — так красив,
Высокосерд — так знатен.
Миродержателя сыном быв,
Стать бургомистра зятем?

Кухонку?
Куколку?
Кольчико?
Только-то?

Что не лириков — Гименей,
Вам и ребенок скажет.
Остепенившийся соловей —
Недопустимый казус!

Коль небожители в царстве тел —
Ни лоскутка на дыры

Вам, ибо правильный был раздел
Благ при начале мира:

Нам — только видимый, вам же — весь
Прочий (где несть болезни!).
Коль божество, в мясники не лезь,
Как в божества не лезем.

Вам — миродержствовать, нам — родить:
Здесь близнецы, там тройня.
Но музыканту счастливым быть
Попросту непристойно!

Так предоставьте же сладкий кус
Обыкновенным смертным!
Ваша амброзия слаще уст
Женских, и чище — нектар.

Иерофанты в грязи колес,
Боги в чаду блудилищ, —
Плачьте и бдите, чтоб нам спалось,
Мрите — чтоб мы плодились!

А бургомистрову дочку — план
Дальний — другим заменим.
Впрочем, в подобных делах профан
И ожидаю мненья

Следующих...

Поразрумянился весь совет,
Лбищи понапружили.
В Гаммельне собственных мыслей нет,
Только одни чужие.

Не мудрено: на земле живут,
Не в облаках витают.
Да и чужих не сказать, чтоб пуд, —
Только одна, и та ведь

Авторская... Шепоток вдоль стен:
«Что бы ему взамен?»

— Что-нибудь нужное!
Удочку! Дюжину

Недорогих носков!
— Туфельку для часов!

— Что-нибудь нá стену!
Краскою масляной
Кайзера на коне!
— Дело ведь не в цене!

— Нотную папочку!
— Тросточку! Нá плечи
Что-ниубдь из тряпья!
— Кисточку для бритья!

— Так себе — чуточку!
— Штучно! Посуточно!
Не при дворе ж! в глуши!
— Главное — от души!

— Самую капельку!
— Крохотку! — Крапинку!
— Каб налицо — сюртук,
Я б предложил — утюг:

Прочно и дешево!
— Главное — пóшибом

Взять: для подобных бар
Жест — наилучший дар.

Прочее — дорого.
— Дешево — здóрово!
Без роковых затрат,
В дельности — аттестат.

Деньги — безвкусица!
Каперцы, устрицы, —
Не диабет — нефрит.
— Гений мечтами сыт.

Доброе мнение —
Вот она, гению
Плата: кошель похвал.
— Смертный дороже б взял.

Стало быть, аттестационный лист.

Ратсгерр от Романтизма

— Эврика! В руки бейте!
Коль по призванию он — флейтист,
Значит — футляр на флейту!

Раты — в плёск.
Герры — в хлоп.
— Ну и мозг!
Ну и лоб!

Geben — frisst,
Leb 'héisst: spar...[1]

---

[1] Дадим — слопает (здесь: дают — бери), жить — значит экономить (нем.). — *Ред.*

Раз флейтист —
Так футляр.

— Слажено! — Сложено!
— Замшевый! — Кожаный!
— Для музыкальных душ
Также приятен плюш.

— Стало быть — плюшевый!
— Ратсгерры, кушанье
Стынет. — Коль нежность — цель,
Так же нежна фланель.

— Главное — умысел!
— В траты не сунувшись,
Чтоб от души — к душе —
Как из папье-маше́!

Кабы малейший какой в душе
Прок был — у всех была бы.
А в переводе — папье-маше́ —
Жеваная бумага.

Хоть не корова, а нажую!
Боги — а рты замажем!
(Так же, как критика — соловью):
Жвачкой, притом — бумажной.

— Чистой! без примеси!
— Принято! Принято!

— Хлопковой! Рисовой!
— Браво! Подписано!

Бургомистр

Не проскочил — в зятья!
Но, человека чтя
И в музыканте, —
Ратсгерры, встаньте!

Девы, монет не тратящей,
Постановленье ратушн:

Гаммельн — не в царстве душ.
Раз музыкант — не муж,
Раз музыкант — не зять,
В названной отказать

Девушке. (В царстве цен!)
И предложнть взамен
Нечто из царства чар:
На инструмент — футляр

Жвачно-бумажный.
Ибо не важно —
Что («Вещество — лишь знак».
Гёте), а важно — как.

Тих как мех.
Тих как лев.
Губы в смех.
Бровн в гнев.

Выше звезд,
Выше слов.
Во весь рост —
Крысолов:

«Раз музыкант — так мот.
Дудки не бережет
Дудочник. Треснет — свистнет.

Чехолоненавистник
Он — и футлярокол.
Раз музыкант — так гол,

Чист. Для чего красе —
Щит? Гнойники скрывают!
Кто со всего и всё
В мире — чехлы срывает!

Нехороша — так пнуть!
Чтоб просияла суть.

Не в ушеса, а в слух
Вам протрубят к обедне —
В день, когда сбросит дух
Тело: чехол последний,

В день, когда станут — льды,
В душу — и *без* трубы.

Не в инструменте — в нас
Звук. Разбивайте дудки!
Зорче всего — без глаз
Видящий. Самый гудкий

И благодарный зал —
Грудь. Никогда не мал.

Не соловью беречь
Горло. (Три капли нá ночь!)
Что до футляра — в печь!
Или наденьте нá нос...

Ратсгерры! Долг и мзду —
Дочь бургомистра. Жду».

Зашушукали: шу-шу-шук...
— За каких-нибудь десять штук

Жалких — благо бы крыс? — мышей!
Не видать, как своих ушей».

Грета, Грета, попалась в сеть!
Лучше уши свои узреть,

Нежель душу,
— Камыш, шурши! —
Не видать, как своей души.

ДЕТСКИЙ РАЙ

(Глава шестая и последняя)

Розан ал, студень гол,
А будильник — зол.

В школу! В школу! В школу! В школу!
Норд-ост — в спину! Норд-вест —
в полы!

Не продравши глаз —
В класс! в класс! в класс!

Жарче шуб, слаще дынь —
А будильник: дзинь!

Разрывай-рывай глаза!
Спать нельзя! нельзя! нельзя!

Собирай-бирай мозги!
Тьма — ни зги! ни зги! ни зги!

Но-гами в чаи!
Под кран! Под кран!

Не роман и не драма, — скушна весьма!
Из-под крана смывайте румяна сна!

Готы идут и гунны.
Но, говоря разумно,

Так от готов и гуннов — а мир был мал! —
Что осталось? Хороший балл.

Гул да балл,
Гунн да галл,
(Спутал — влёт.)
Галл да гот,

Гот да галл.
— Слишком мал —
Гунн да гот,
— Бутерброд!

Гунны — конные, ножки гнуты.
В фуите двадцать четыре фута.
Плюс на минус выходит — плюс.
Цезарь — немец.
Сейчас проснусь.

Спит сурок, спит медведь.
— Спать не сметь! не сметь! не сметь!

Спит мертвец, спит индус.
— Отосплюсь — просплюсь — просплюсь...

Буки — Аз —
В щелки глаз...
Сотней ос —
В ноздри, в нос.

На́ сто лет, на́ сто мод —
Мой завод — завод — завод.
Рухнет дуб, рухнет трон —
Заведён — ведён — ведён.

Сотни лет, сотни мод —
А что дальше будет —
Скажет тот, скажет тот,
Кто будильник будит.

Что есть час? что есть год?
Ведь и кратер глохнет!
Скажет тот, скажет тот,
Кто будильник грохнет.

Час пропал, день сгорел,
А будильник — цел.

Были долы —
Выросли горы.
Нынче — в школу,
Завтра — в контору.

Где вы, пчелы?
Где вы, зубрилы?
Нынче в школу,
Завтра в могилу...

Утомительней мошкары...
— Шко-ля-ры!

Что́ это? Новый звук!
Книги летят из рук
— Мимо — и прямо в печь,
Руки хотят от плеч,

Слезы хотят из глаз.
Сало упало в таз,
Мыло упало в суп —
В школьную Morgensupp[1].

Звуки! Звуки! Как из лейки!
Как из тучи! Как из глаз!
Это флейта, это флейта,
Это флейта залилась!

Скоки! Скоки! Как из стойла!
Топот-при́топ, топот-пряд.
— Флейта, лей нам! Флейта, пой
нам! —
Жеребят, козлят, телят.

Вольница.
Конница.
Школьники.
Школьницы.

Что ливень с суков,
Что щебень с горы,
Со всех чердаков
Горох детворы.

Школьник? Вздор. Балльник? Сдан.
Ливня, ливня барабан.

[1] **Утреннюю похлебку (нем.). — *Ред.***

Глобус? Сбит. Ранец? Снят.
Щебня, щебня водопад.

Всплески! Всплески! Как из шайки!
Атлас, старься! Грифель, жди!
В роще — сойки, в роще — зайки,
В роще — белые дрозды!

Крики! Крики! Так, примером,
Рты и глотки растворя,
Дикари миссионером
Заедают «Жития».

— Дет-во-ра!
Золотых вечеров мошкара...
Ди-ка-ри!
Голосистых прудов пескари...

Прочь из нор!
Мотылек — не сурок, не бобёр.
Прочь из школ!
Ведь еще первоцвет не отцвел.

Есть у меня — не в службу, а в дружбу! —
Для девочек куклы, для мальчиков ружья,
— Глубокая ловля и быстрая гребля, —
Для девочек — игры, для мальчиков — кегли,

На-ряд и доспех,
И — вафли для всех.

Птичкам — рощица, рыбкам — óзерце,
Нá все особи, нá все возрасты!

Младшим — сладости, старшим —
пряности, —
На все́ тайности, на все́ странности.

Блеск — больно глазам:
Э-дем и Сезам.

Под родительской крышею
Вы «там-там» бессонный слышали?

Под родительской кровлею
Кто шебет блаженный пробовал?

Дом — тесный загон
Для львов и для жен.

Есть у меня — сказал, так в ладони! —
Для девочек лани, для мальчиков кони,
Плоды Соломона и розы Саади,
Для мальчиков — войны, для девочек —
свадьбы,

Весь мир — нараспев
И ласка для всех.

Рыбки в лужице! Птички в клетке!
Уничтожимте все отметки!
Рыбкам — о́зерце, птичкам — лето,
— Уничтожены все предметы!

Рож-дественский стол
В древнейшей из школ.

— Говорят, что он в зеленом!
— Где ж он? — Я иду за звоном.

— Он в жару меня баюкал.
— Где ж он? — Я иду за звуком.

— Я за красною фатой.
— Я за старшею сестрой.

— Говорят, что рай — далёко.
— Я не выучил урока.

— Что-то боязно мне втайне.
— Я — за дальним. — Я — за крайним.

— Я — чтоб детство наверстать.
— Не остаться. Не отстать.

— За отчаявшимся кладом.
— Я — за славой. — Я — за стадом.

— Всё равно — домой нельзя уж!
— Я — так за́ море! — Я — замуж.

— Потому что в школе бьют.
— Потому что все́ идут.

— Ночевать хотел бы в сене.
— Я — за Францем. — Я — за всеми.

— Воевать хотел бы с львами.
— Я? не знаю. Ноги сами.

— Потому что фатер — бьет.
— Потому что — *всё* идет!

...Колотушки — и те в миндалинках!
Погремушки для самых маленьких!

Сказки — пастора рассмешишь!
И романтики для больших.

На всякие нужды! иа всякне вкусы!
Для мальчиков — пули, для девочек —
бусы.
На всякие жажды! иа всякне мастн!
Для мальчиков — игры, для девочек —
страсти:

Без свах, без помех,
И — пи́сьма — для всех.

— Говорят, что он заводнт,
Топит. (Ворочай, народец!)

— Заведет, потом загубит!
— Раз не *может*, так не будет

Хуже! — В лад — так не злодей!
— В ад — так без проповедей!

— Хорошо еще, что вместе,
Кучей. — А сказать по чести...

(То с воды идет, то свыше, —
Где ж он?) — Ничего не слышу:

Нн «гоп-гоп» н ни «ду-ду», —
Все идут, н я иду.

— Есть у меия — всё, всё, кроме ренты!
Для мальчнков флинты, для девочек ленты,

Дозорные знаки н тайные чнсла,
Для девочек — звуки, для мальчиков —
смыслы,

Сих — с теми — родство,
И — рифма — на всё.

Ветер в полы!
Мимо школы!
Целым цирком —
Мимо кирки.

Кем ни разу не ласкан
Да без просыпу таскан —
До свидания, классный!
До свидания, пастор!

Не напишем, и не пиши!
— Малыши!

Есть у меня — не всё перескажешь! —
Для мальчиков — радость, для девочек —
тяжесть.

Нежна — перелюбишь, умна — переборешь.
Для мальчиков — сладость, для девочек —
горечь.

Дно — страсти земной...
И — рай — для одной.

Здесь — путы,
Здесь — числа...
Разруха...
Разлука...

Рай — сути,
Рай — смысла,

Рай — слуха,
Рай — звука.

Точно облачко перйстое,
Шепот: — Грета бургомистрова! —

— Стройтесь, резвые невестины
Сестры, в свадебное шествие.

Позабыв о сальных балльниках —
За́ руку берите маленьких.

Школьный дом — уже с горошину!
На́ руки берите крошечных

Братцев аистовых...
— Не раскаиваться!

Вроде благовеста...
— Не оглядываться!

Вот он, в просторы стай,
Города самый край.

— Зарастай,
След от ног наших. Спросят — в Китай.
Враний грай,
Голоса и шаги заглушай.

Вы, кусты,
Не храните одежд лоскуты.
Ветер, ты
Голоса и шаги относи.

Без следа!
Говорят, что сегодня среда:
День труда.
В том краю воскресенье всегда.

Жить — стареть,
Неуклонно стареть и сереть.
Жить — врагу!
Всё, что вечно, — на том берегу!

В царстве моем — ни тюрем, ни боен, —
Одно ледяное! одно голубое!
Под зыбкою рябью, под зыбкою кровлей
Для девочек — перлы, для мальчиков —
ловля

Их. — С грецкий орех!
И — ванна — для всех.
Спи-усни, спи-исчезнь,
Жемчуг — чу́дная болезнь.

Хворост — сер. Хочешь — ал?
Вместо хворосту — коралл.

В царстве моем — ни свинки, ни кори,
Ни высших материй, ни средних историй,

Ни расовой розни, ни Гусовой казни,
Ни детских болезней, ни детских боязней:

Синь. Лето красно́.
И — время — на всё.

Тише, тише, дети! Отданы
В школу тихую, подводную.

Лейтесь, лейтесь, розы щёчные,
В воду вечную, проточную.

Кто-то: мел! кто-то: ил!
Кто-то: ноги промочил!

Кто-то: вал! кто-то: гул!
Кто-то озера хлебнул!

А вода уже по пальчики
Водолазам и купальщицам...

Жемчуга навстречу сыплются.
А вода уже по щиколку...

Под коленочки норовит.
— Хри-зо-лит!

Красные мхи, лазурные ниши...
(А ноги всё ниже, а небо всё выше...)
Зеркальные ложи, хрустальные зальца...
А что-то всё ближе, а что-то всё дальше...

— Берегись! По колено ввяз!
— Хри-зо-праз!

А вода уже по плечико
Мышкам в будничном и в клетчатом.

Выше, выше носик вздернутый!
А вода уже по горлышко, —

Усладительней простыни...
— Хру-ста-ли...

В царстве моем (нежнейшее dolce)...[1]
А веку всё меньше, а око всё больше...
Болотная чайка? Младенческий чепчик?
А ноги всё тяжче, а сердце всё легче...

Поминай, друзья и родичи!
Подступает к подбородочку.
Хороши чертоги выстроил
Нищий — дочке бургомистровой?

— Вечные сны, бесследные чащи...
А сердце всё тише, а флейта всё слаще...
— Не думай, а следуй, не думай,
а слушай...
А флейта всё слаще, а сердце всё глуше...

— Муттер, ужинать не зови!

Пу-зы-ри.

Ноябрь 1925
Париж

---

[1] Нежнейший тон (итал.). — *Ред.*

СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я — поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет,

Ворвавшимся, как маленькие черти,
В святилище, где сон и фимиам,
Моим стихам о юности и смерти,
— Нечитанным стихам! —

Разбросанным в пыли по магазинам
(Где их никто не брал и не берет!)
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.

Май 1913
Коктебель

* * *

Идешь, на меня похожий,
Глаза устремляя вниз.
Я их опускала — тоже!
Прохожий, остановись!

Прочти — слепоты куриной
И маков набрав букет, —
Что звали меня Мариной,
И сколько мне было лет.

Не думай, что здесь — могила,
Что я появлюсь, грозя...
Я слишком сама любила
Смеяться, когда нельзя!

И кровь приливала к коже,
И кудри мои вились...
Я тоже *была*, прохожий!
Прохожий, остановись!

Сорви себе стебель дикий
И ягоду ему вслед, —
Кладбищенской земляники
Крупнее и слаще нет.

Но только не стой угрюмо,
Главу опустив на грудь.

Легко обо мне подумай,
Легко обо мне забудь.

Как луч тебя освещает!
Ты весь в золотой пыли...
— И пусть тебя не смущает
Мой голос из-под земли.

3 мая 1913
Коктебель

ГЕНЕРАЛАМ ДВАДЦАТОГО ГОДА

Сергею

Вы, чьи широкие шинели
Напоминали паруса,
Чьи шпоры весело звенели и
И голоса,

И чьи глаза, как бриллианты,
На сердце оставляли след, —
Очаровательные франты
Минувших лет!

Одним ожесточеньем воли
Вы брали сердце и скалу, —
Цари на каждом бранном поле
И на балу.

Вас охраняла длань господня
И сердце матери, — вчера

Малютки-мальчики, сегодня —
Офицера!

Вам всé вершины были малы
И мягок самый черствый хлеб,
О, молодые генералы
Своих судеб!

Ах, на гравюре полустертой,
В один великолепный миг,
Я видела, Тучков-четвертый,
Ваш нежный лик.

И вашу нежную фигуру,
И золотые ордена...
И я, поцеловав гравюру,
Не знала сна...

О, как, мне кажется, могли вы
Рукою, полною перстней,
И кудри дев ласкать — и гривы
Своих коней.

В одной невероятной скачке
Вы прожили свой краткий век...
И ваши гривы, ваши бачки
Засыпал снег.

Три сотни побеждало — трое!
Лишь мертвый не вставал с земли.
Вы были дети и герои,
Вы всё могли!

Чтó так же трогательно-юно,
Как ваша бешеная рать?
Вас златокудрая Фортуна
Вела, как мать.

Вы побеждали и любили
Любовь и сабли острие —
И весело переходили
В небытие.

26 декабря 1913
Феодосия

БАБУШКЕ

Продолговатый и твердый овал,
Черного платья раструбы...
Юная бабушка! Кто целовал
Ваши надменные губы?

Руки, которые в залах дворца
Вальсы Шопена играли...
По сторонам ледяного лица
Локоны, в виде спирали.

Темный, прямой и взыскательный взгляд.
Взгляд, к обороне готовый.
Юные женщины так не глядят.
Юная бабушка, кто вы?

Сколько возможностей вы унесли,
И невозможностей — сколько? —

В ненасытимую прорву земли,
Двадцатилетняя полька!

День был невинен, и ветер был свеж.
Темные звезды погасли.
— Бабушка! — Этот жестокий мятеж
В сердце моем — не от вас ли?..

4 сентября 1914

* * *

Мне нравится, что вы больны не мной,
Мне нравится, что я больна не вами,
Что никогда тяжелый шар земной
Не уплывет под нашими ногами.
Мне нравится, что можно быть смешной —
Распущенной — и не играть словами,
И не краснеть удушливой волной,
Слегка соприкоснувшись рукавами.

Мне нравится еще, что вы при мне
Спокойно обнимаете другую,
Не прочите мне в адовом огне
Гореть за то, что я не вас целую.
Что имя нежное мое, мой нежный, не
Упоминаете ни днем, ни ночью — всуе...
Что никогда в церковной тишине
Не пропоют над нами: аллилуйя!

Спасибо вам и сердцем и рукой
За то, что вы меня — не зная сами! —
Так любите: за мой ночной покой,

За редкость встреч закатнымн часами,
За наши не-гулянья под луной,
За солнце не у нас над головами, —
За то, что вы больны — увы! — не мной,
За то, что я больна — увы! — ие вами!

3 мая 1915

* * *

Какой-нибудь предок мой был — скрипач,
Наездник и вор при этом.
Не потому ли мой нрав бродяч
И волосы пахнут ветром?

Не он ли, смуглый, крадет с арбы
Рукой моей — абрикосы,
Виновник страстной моей судьбы,
Курчавый и горбоносый?

Дивясь на пахаря за сохой,
Вертел между губ — шиповник,
Плохой товарищ он был, — лихой
И ласковый был любовник!

Любитель трубки, луны и бус,
И всех молодых соседок...
Еще мне думается, что — трус
Был мой желтоглазый предок.

Что, душу черту продав за грош,
Он в полночь не шел кладбищем.
Еще мне думается, что нож
Носил он за голенищем,

Что не одиажды из-за угла
Он прыгал, — как кошка гнбкий...
И почему-то я поняла,
Что он — *не* нграл на скрнпке!

И было всё ему ннпочем,
Как снег прошлогодний — летом!
Таким мой предок был скрнпачом.
Я стала — таким поэтом.

23 июня 1915

* * *

Спят трещотки н псы соседовы, —
Ни повозок, ни голосов.
О, возлюблеииый, не выведывай,
Для чего развожу засов.

Юиый месяц идет к полу́иочи:
Час моиахов — и зоркнх птиц,
Заговорщнков час — и юношей,
Час любовников н убнйц.

Здесь у каждого мысль двоякая,
Здесь, ездок, торопи коня.
Мы пройдем, кошельком не звякая
И браслетами ие звеня.

Уж с домами дома расходятся,
И иа площади спор и пляс...
Здесь, у малеиькой богородицы,
Вся Кордова в любви клялась.

У фонтана присядем молча мы
Здесь, на каменное крыльцо,
Где впервые глазами волчьими
Ты нацелился мне в лицо.

Запах розы и запах локона,
Шелест шелка вокруг колен...
О, возлюбленный, — видишь, вот она —
Отравительница! — Кармен.

5 августа 1915

* * *

С большою нежностью — потому,
Что скоро уйду от всех, —
Я все раздумываю, кому
Достанется волчий мех,

Кому — разнеживающий плед
И тонкая трость с борзой,
Кому — серебряный мой браслет,
Осыпанный бирюзой...

И всё записки, и всё цветы,
Которых хранить невмочь...
Последняя рифма моя — и ты,
Последняя моя ночь!

22 сентября 1915 г.

* * *

Два солнца стынут — о господи, пощади! —
Одно — на небе, другое — в моей груди.

Как эти солнца — прощу ли себе сама? —
Как эти солнца сводили меня с ума!

И оба стынут — не больно от их лучей!
И то остынет первым, что горячей.

5 октября 1915

* * *

Цыганская страсть разлуки!
Чуть встретишь — уж рвешься прочь.
Я лоб уронила в руки
И думаю, глядя в ночь:

Никто, в наших письмах роясь,
Не понял до глубины,
Как мы вероломны, то есть —
Как сами себе верны.

Октябрь 1915

* * *

Быть в аду иам, сестры пылкие,
Пить нам адскую смолу, —
Нам, что каждою-то жилкою
Пели господу хвалу!

Нам, иад люлькой да иад прялкою
Не клоиившимся в иочи,
Уиосимым лодкой валкою
Под полою епанчи.

В тоикие шелка китайские
Разиаряжеииым с утра,
Заводившим песии райские
У разбойиого костра,

Нерадивым рукодельницам
(Шей не шей, а всё по швам!),
Плясовницам и свирельницам,
Всему миру — госпожам!

То едва прикрытым рубищем,
То в созвездиях коса.
По острогам да по гульбищам
Прогулявшим небеса.

Прогулявшим в иочи звездиые
В райском яблочиом саду...
— Быть иам, де́вицы любезиые,
Сестры милые, — в аду!

Ноябрь 1915

* * *

Ты запрокидываешь голову —
Затем, что ты гордец и враль.
Какого спутника веселого
Привел мне нынешний февраль!

Позвякивая карбованцами
И медленно пуская дым,
Торжественными чужестранцами
Проходим городом родным.

Чьи руки бережные трогали
Твои ресницы, красота,
Когда, и как, и кем, и много ли
Целованы твои уста —

Не спрашиваю. Дух мой алчущий
Переборол сию мечту.
В тебе божественного мальчика, —
Десятилетнего я чту.

Помедлим у реки, полощущей
Цветные бусы фонарей.
Я доведу тебя до площади,
Видавшей отроков-царей...

Мальчишескую боль высвистывай
И сердце зажимай в горсти...
— Мой хладнокровный, мой неистовый
Вольноотпущенник — прости!

18 февраля 1916

* * *

Откуда такая нежность?
Не первые — эти кудрн
Разглаживаю, н губы
Знавала — темней твоих.

Всходили н гаслн звезды
(Откуда такая иежность?),
Всходнлн и гасли очи
У самых моих очей.

Еще ие такие песин
Я слушала ночью темной
(Откуда такая иежиость?)
На самой груди певца.

Откуда такая нежность?
И что с нею делать, отрок
Лукавый, певец захожнй,
С ресннцамн — нет длинней?

18 февраля 1916

* * *

За девками доглядывать, не скис
Ли в жбане квас, оладьи не остыли ль,
Да перстни пересчитывать, анис
Ссыпая в узкогорлые бутыли.

Кудельную расправить бабке нить,
Да ладаном курить по дому росным,
Да под руку торжественно проплыть
Соборной площадью, гремя шелками,
с крёстным.

Кормилица с крикливым петухом
В переднике — как ночь ее повойник! —
Докладывает древним шепотком,
Что молодой — в часовенке — покойник.

И ладанное облако углы
Унылой обволакивает ризой,
И яблони — что ангелы — белы,
И голуби на них — что ладан — сизы.

И странница, прихлебывая квас
Из ковшика, на краешке лежанки,
О Разине досказывает сказ
И о его прекрасной персиянке.

26 марта 1916

* * *

Говорила мне бабка лютая,
Коромыслом от злости гнутая:
— Не дремить тебе в люльке дитятка,
Не белить тебе пряжи вытканной, —
Царевать тебе — под заборами!
Целовать тебе, внучка, — во́рона.

Ровно облако побелела я:
Вынимайте рубашку белую,
Жеребенка не гоните черного,
Не поите попа соборного,
Вы кладите меня под яблоней,
Без моления, да без ладана.

Поясной поклон, благодарствие
За совет да за милость царскую,
За карманы твои порожние,
Да за песни твои осторожные,
За позор пополам со смутою, —
За любовь за твою за лютую.

Как ударит соборный колокол —
Сволокут меня черти волоком,
Я за чаркой, с тобою роспитой,
Говорила, скажу и господу, —
Что любила тебя, мальчоночка,
Пуще славы и пуще солнышка.

1 апреля 1916 г.

* * *

Люди на ду́шу мою льстятся,
Нежных имен у меня — святцы.

А восприемников за душой —
Цельный, поди, монастырь мужской!

Уж и священники эти льстивы!
Каждый-то день у меня крестины!

Этот — орлицей, синицей — тот, —
Всяк по-иному меня зовет.

У тяжелейшей из всех преступниц —
Сколько заступников и заступниц!

Лягут со мной на вечный сон
Нежные святцы моих имен.

Звали — равно́, называли — разно.
Все́ называли, никто не на́звал.

6 апреля 1916

* * *

То-то в зеркальце — чуть брезжит —
Всё гляделась —
Хорошо ли для приезжих
Разоделась.

По сережкам да по бусам
Стосковалась.
То-то с купчиком безусым
Целовалась.

Целовалась, обнималась —
Не стыдилась!
Всяк тебе: прости за малость!
Сделай милость!

Укатила в половодье
На три ночи.
Желтоглазое отродье!
Ум сорочий!

Вот тебе и мех бобровый,
Шелк турецкий!
Вот тебе и чернобровый
Сын купецкий!

Не купцу же кудеяру —
Плакать даром!
Укатил себе в Самару
За товаром.

Бурлаки над нею, спящей,
Тянут барку.
— За помин души гулящей
Выпьем чарку!

20 апреля 1916 г.

СТИХИ О МОСКВЕ

1

Облака — вокруг,
Купола — вокруг.
Надо всей Москвой —
Сколько хватит рук! —
Возношу тебя, бремя лучшее,
Деревцо мое
Невесомое!
В дивном граде сем,
В мирном граде сем,
Где и мертвой мне
Будет радостно, —
Царевать тебе, горевать тебе,
Принимать венец,
О мой первенец!
Ты постом — говей,
Не сурьми бровей,
И все сорок — чти —
Сороков церквей.
Исходи пешком — молодым шажком! —
Всё привольное
Семихолмие.
Будет твóй черед:
Тоже — дочери
Передашь Москву
С нежной горечью.
Мне же — вольный сон, колокольный звон,
Зори ранние
На Ваганькове.

31 марта 1916

2

Из рук моих — нерукотворный град
Прими, мой странный, мой прекрасный брат.

По це́рковке — все сорок сороков
И реющих над ними голубков;

И Спасские — с цветами — воро́та,
Где шапка православного снята;

Часовню звездную — приют от зол —
Где вытертый — от поцелуев — пол;

Пятисоборный несравненный круг
Прими, мой древний, вдохновенный друг.

К Нечаянныя Радости в саду
Я гостя чужеземного сведу.

Червонные возблещут купола,
Бессонные взгремят колокола,

И на тебя с багряных облаков
Уронит богородица покров,

И встанешь ты, исполнен дивных сил...
— Ты не раскаешься, что ты меня любил.

31 марта 1916

3

Мимо ночных башен
Площади нас мчат.
Ох, как в ночи́ страшен
Рев молодых солдат!

Греми, громкое сердце!
Жарко целуй, любовь!
Ох, этот рев зверский!
Дерзкая — ох! — кровь.

Мой — рот — разгарчив,
Даром что свят — вид.
Как золотой ларчик,
Иверская горит.

Ты озорство прикончи,
Да засвети свечу,
Чтобы с тобой иначе
Не было — как хочу.

31 марта 1916

4

Настанет день — печальный, говорят! —
Отцарствуют, отплачут, отгорят —
Осту́жены чужими пятаками —
Мои глаза, подвижные, как пламя.
И — двойника нащупавший двойник —
Сквозь легкое лицо проступит — лик.

О, наконец тебя я удостоюсь,
Благообразия прекрасный пояс!

А издали — завижу ли и вас? —
Потянется, растерянно крестясь,
Паломничество по дорожке черной
К моей руке, которой не отдерну,
К моей руке, с которой снят запрет,
К моей руке, которой больше нет.

На ваши поцелуи, о живые,
Я ничего не возражу — впервые.
Меня окутал с головы до пят
Благообразия прекрасный плат.
Ничто меня уже не вгонит в краску.
Святая у меня сегодня Пасха.

По улицам оставленной Москвы
Поеду — я, и побредете — вы.
И не один дорогою отстанет,
И первый ком о крышку гроба грянет, —
И наконец-то будет разрешен
Себялюбивый, одинокий сон.

И ничего не надобно отныне
Новопреставленной болярыне Марине.

11 апреля 1916

5

Над городом, отвергнутым Петром,
Перекатился колокольный гром.

Гремучий опрокинулся прибой
Над женщиной, отвергнутой тобой.

Царю Петру и Вам, о царь, хвала!
Но выше вас, цари: колокола.

Пока они гремят из синевы —
Неоспоримо первенство Москвы.

— И целых сорок сорокóв церквей
Смеются над гордынею царей!

28 мая 1916

6

Над синевою подмосковных рощ
Накрапывает колокольный дождь.
Бредут слепцы калужскою дорогой, —

Калужской, песенной, привычной, и она
Смывает и смывает имена
Смиренных странников, во тьме поющих бога.

И думаю: когда-нибудь и я,
Устав от вас, враги, от вас, друзья,
И от уступчивости речи русской, —

Надену крест серебряный на грудь,
Перекрещусь — и тихо тронусь в путь
По старой по дороге по калужской.

Троицын день, 1916

7

Семь холмов — как семь колоколов,
На семи колоколах — колокольни.
Всех счетом: сорок сорокóв, —
Колокольное семихолмие!

В колокольиый я, во червонный день
Иоанна родилась Богослова.
Дом — пряник, а вокруг плетень
И церкóвки златоголовые.

И любила же, любила же я первый звон —
Как монашки потекут к обедне,
Вой в печке, и жаркий сои,
И зиахарку с двора соседнего.

— Провожай же меия, весь московский сброд.
Юродивый, воровской, хлыстовский!
Поп, крепче позаткни мне рот
Колокольной землей московскою!

8 июля 1916

8

Москва! Какой огромный
Странноприимный дом!
Всяк на Руси — бездомный.
Мы все к тебе придем.

Клеймо позорит плечи,
За голенищем — нож.
Издалекá-далече —
Ты все же позовешь.

На каторжные клейма,
На всякую болесть —
Младенец Пантелеймон
У нас, целитель, есть.

А вон за тою дверцей,
Куда народ валит, —
Там Иверское сердце,
Червонное, горит.

И льется аллилуйя
На смуглые поля.
— Я в грудь тебя целую,
Московская земля!

8 июля 1916
Александров

9

Красною кистью
Рябина зажглась.
Падали листья.
Я родилась.

Спорили сотни
Колоколов.
День был субботний:
Иоанн Богослов.

Мне и доныне
Хочется грызть
Жаркой рябины
Горькую кисть.

16 августа 1916

ИЗ ЦИКЛА «БЕССОННИЦА»

I

Обвела мне глаза кольцом
Теневым — бессонница.
Оплела мне глаза бессонница
Теневым венцом.

То-то же! По ночам
Не молись — идолам!
Я твою тайну выдала,
Идолопоклонница.

Мало — тебе — дня,
Солнечного огня!

Пару моих колец
Носи, бледноликая!
Кликала — и накликала
Теневой венец.

Мало — меня — звала?
Мало — со мной — спала?

Ляжешь, легка лицом.
Люди поклонятся.
Буду тебе чтецом
Я, бессонница:

— Спи, успокоена,
Спи, удостоена,
Спи, увенчана,
Женщина.

Чтобы — спалось — легче,
Буду — тебе — певчим:

— Спи, подруженька
Неугомонная,
Спи, жемчужинка,
Спи, бессонная.

И кому ни писали писем,
И кому с тобой ни клялись мы...
Спи себе.

Вот и разлучены
Неразлучные.
Вот и выпущены из рук
Твои рученьки.
Вот ты и отмучилась,
Милая мученица.

Сон — свят.
Все — спят.
Венец — снят.

8 апреля 1916

2

Руки люблю
Целовать, и люблю
Имена раздавать,
И еще — раскрывать
Двери!
— Настежь — в темную ночь!

Голову сжав,
Слушать, как тяжкий шаг
Где-то легчает,
Как ветер качает
Сонный, бессонный
Лес.

Ах, ночь!
Где-то бегут ключи,
Ко сну — клонит.
Сплю почти.
Где-то в ночи
Человек тонет.
27 мая 1916

3

В огромном городе моем — ночь.
Из дома сонного иду — прочь.
И люди думают: жена, дочь, —
А я запомнила одно: ночь.

Июльский ветер мне метет — путь,
И где-то музыка в окне — чуть.
Ах, нынче ветру до зари — дуть
Сквозь стенки тонкие груди́ — в грудь.

Есть черный тополь, и в окне — свет,
И звон на башне, и в руке — цвет,
И шаг вот этот — никому — вслед,
И тень вот эта, а меня — нет.

Огни — как нити золотых бус,
Ночного листика во рту — вкус.

Освободите от дневных уз,
Друзья, поймите, что я вам — снюсь.

17 июля 1916
Москва

4

После бессонной ночи слабеет тело,
Милым становится и не своим, — ничьим.
В медленных жилах еще занывают стрелы —
И улыбаешься людям, как серафим.

После бессонной ночи слабеют руки,
И глубоко равнодушен и враг и друг.
Целая радуга — в каждом случайном звуке,
И на морозе Флоренцией пахнет вдруг.

Нежно светлеют губы, и тень золоче
Возле запавших глаз. Это ночь зажгла
Этот светлейший лик, — и от темной ночи
Только одно темнеет у нас — глаза.

19 июля 1916

5

Нынче я гость небесный
В стране твоей.
Я видела бессонницу леса
И сон полей.

Где-то в ночи подковы
Взрывали траву.

Тяжко вздохнула корова
В сонном хлеву.

Расскажу тебе с грустью,
С нежностью всей,
Про сторожа-гуся
И спящих гусей.

Руки тонули в песьей шерсти́.
Пес был — сед.
Потом, к шести,
Начался рассвет.

20 июля 1916

6

Сегодня ночью я одна в ночи́ —
Бессонная, бездомная черница! —
Сегодня ночью у меня ключи
От всех ворот единственной столицы!

Бессонница меня толкнула в путь.
— О, как же ты прекрасен, тусклый Кремль мой! —
Сегодня ночью я целую в грудь —
Всю круглую воюющую землю!

Вздымаются не волосы — а мех,
И душный ветер прямо в душу дует.
Сегодня ночью я жалею всех —
Кого жалеют и кого целуют.

1 августа 1916

7

Нежно-нежно, тонко-тонко
Что-то свистнуло в сосне.
Черноглазого ребенка
Я увидела во сне.

Так у сосенки у красной
Каплет жаркая смола.
Так в ночи́ моей прекрасной
Ходит по сердцу пила.

8 августа 1916

8

Черная, как зрачок, как зрачок, сосущая
Свет — люблю тебя, зоркая ночь.

Голосу дай мне воспеть тебя, о праматерь
Песен, в чьей длани узда четырех ветров.

Кличa тебя, славословя тебя, я только
Раковина, где еще не умолк океан.

Ночь! Я уже нагляделась в зрачки человека!
Испепели меня, черное солнце — ночь!

9 августа 1916

9

Кто спит по ночам? Никто не спит!
Ребенок в люльке своей кричит,
Старик над смертью своей сидит,

Кто молод — с милою говорит,
Ей в губы дышит, в глаза глядит.

Заснешь — проснешся ли здесь опять?
Успеем, успеем, успеем спать!

А зоркий сторож из дома в дом
Проходит с розовым фонарем,
И дробным рокотом под подушкой
Рокочет ярая колотушка:

— Не спи! крепись! говорю добром!
А то — вечный сон! а то — вечный дом!

12 декабря 1916

10

Вот опять окно,
Где опять не спят.
Может — пьют вино,
Может — так сидят.
Или просто — рук
Не разнимут двое.
В каждом доме, друг,
Есть окно такое.

Крик разлук и встреч —
Ты, окно в ночи́!
Может — сотни свеч,
Может — три свечи...
Нет и нет уму
Моему — покоя.
И в моем дому
Завелось такое.

Помолись, дружок, за бессонный дом,
За окно с огнем!

23 декабря 1916

11

Бессонница! Друг мой!
Опять твою руку
С протянутым кубком
Встречаю в беззвучно
Звенящей ночи.

— Прельстись!
Пригубь!
Не ввысь,
А вглубь —
Веду...
Губами приголубь!
Голубка! Друг!
Пригубь!
Прельстись!
Испей!
От всех страстей —
Устой,
От всех вестей —
Покой.
— Подруга! —
Удостой.
Раздвинь уста!
Всей негой уст
Резного кубка край
Возьми —
Втяни,
Глотни:

— Не будь! —
О друг! Не обессудь!
Прельстись!
Испей!
Из всех страстей —
Страстнейшая, из всех смертей —
Нежнейшая... Из двух горстей
Моих — прельстись! — испей!

Мир бéз вести пропал. В нигде —
Затопленные берега...
— Пей, ласточка моя! На дне
Растопленные жемчуга...

Ты море пьешь,
Ты зори пьешь.
С каким любовником кутеж
С моим
— Дитя —
Сравним?

А если спросят (научу!),
Что, дескать, щечки не свежи, —
С Бессонницей кучу, скажи, —
С Бессонницей кучу...

Май 1921

6 Заказ 849

СТИХИ К БЛОКУ

1

Имя твое — птица в руке,
Имя твое — льдинка на языке.
Одно-единственное движение губ.
Имя твое — пять букв.
Мячик, пойманный на лету,
Серебряный бубенец во рту.

Камень, кинутый в тихий пруд,
Всхлипнет так, как тебя зовут.
В легком щелканье ночных копыт
Громкое имя твое гремит.
И назовет его нам в висок
Звонко щелкающий курок.

Имя твое — ах, нельзя! —
Имя твое — поцелуй в глаза,
В нежную стужу недвижных век.
Имя твое — поцелуй в снег.
Ключевой, ледяной, голубой глоток.
С именем твоим — сон глубок.

15 апреля 1916

2

Нежный призрак,
Рыцарь без укоризны,
Кем ты призван
В молодую жизнь?

Во мгле — сизой
Стоишь, ризой

Снеговой одет.
То не ветер
Гонит меня по городу.
Ох, уж третий
Вечер я чую ворога.

Голубоглазый —
Меня — сглазил
Снеговой певец.

Снежный лебедь
Мне по́д ноги перья стелет.
Перья реют
И медленно никнут в снег.

Так, по перьям,
Иду к двери,
За которой — смерть.

Он поет мне
За синими окнами,
Он поет мне
Бубенцами далекими,

Длинным криком,
Лебединым кликом —
Зовет.

Милый призрак!
Я знаю, что все мне снится.
Сделай милость:
Аминь, аминь, рассыпься!

Аминь.

1 мая 1916

3

Ты проходишь на запад солнца,
Ты увидишь вечерний свет.
Ты проходишь на запад солнца,
И метель заметает след.

Мимо о́кон моих — бесстрастный —
Ты пройдешь в снеговой тиши,
Божий праведник мой прекрасный,
Свете тихий моей души!

Я на душу твою — не зарюсь!
Нерушима твоя стезя.
В руку, бледную от лобзаний,
Не вобью своего гвоздя.

И по имени не окликну,
И руками не потянусь.
Восковому, святому лику
Только издали поклонюсь.

И, под медленным снегом стоя,
Опущусь на колени в снег,
И во имя твое святое
Поцелую вечерний снег —

Там, где поступью величавой
Ты прошел в гробовой тиши,
Свете тихий — святыя славы —
Вседержитель моей души.

2 мая 1916

4

Зверю — берлога,
Страиинику — дорога,
Мертвому — дроги,
Каждому — свое.

Жеищине — лукавить,
Царю — править,
Мне — славить
Имя твое.
2 мая 1916

5

У меия в Москве — купола горят,
У меия в Москве — колокола звоият,
И гробницы, в ряд, у меия стоят, —
В иих царицы спят и цари.

И ие знаешь ты, что зарей в Кремле
Легче дышится — чем иа всей земле!
И ие знаешь ты, что зарей в Кремле
Я молюсь тебе — до зари.

И проходишь ты иад своей Невой
О ту пору, как иад рекой-Москвой
Я стою с опущеииой головой,
И слипаются фоиари.

Всей бессоииицей я тебя люблю,
Всей бессоииицей я тебе виемлю —
О ту пору, как по всему Кремлю
Просыпаются звонари.

Но моя река — да с твоей рекой,
Но моя рука — да с твоей рукой
Не сойдутся, Радость моя, доколь
Не догонит заря — зари.

7 мая 1916

6

Думали — человек!
И умереть заставили.
Умер теперь. Навек.
— Плачьте о мертвом ангеле!

Он на закате дня
Пел красоту вечернюю.
Три восковых огня
Треплются, суеверные.

Шли от него лучи —
Жаркие струны пó снегу.
Три восковых свечи —
Солнцу-то! Светоносному!

О, поглядите — кáк
Веки ввалились темные!
О, поглядите — кáк
Крылья его поломаны!

Черный читает чтец,
Топчутся люди праздные...
— Мертвый лежит певец
И воскресенье празднует.

9 мая 1916

7

Должно быть — за то́й рощей
Деревня, где я жила,
Должно быть — любовь проще
И легче, чем я ждала.

— Эй, идолы, чтоб вы сдохли! —
Привстал и занес — кнут,
И о́крику вслед — о́хлест,
И вновь бубенцы поют.

Над валким и жалким хлебом
За жердью встает — жердь,
И проволока под небом
Поет и поет смерть.

13 мая 1916

8

И тучи оводов вокруг равнодушных кляч,
И ветром вздутый калужский родной кумач,
И по́свист перепелов, и большое небо,
И волны колоколов над волнами хлеба,

И толк о немце, доколе не надоест,
И желтый-желтый — за синею рощей — крест,
И сладкий жар, и такое на всем сиянье,
И имя твое, звучащее словно: ангел.

18 мая 1916

9

Как слабый луч сквозь черный морок адов —
Так голос твой под рокот рвущихся снарядов.

И вот в громах, как некий серафим,
Оповещает голосом глухим —

Откуда-то из древних утр тумаиных —
Как нас любил, слепых и безымяииых,

За сиий плащ, за вероломства — грех...
И как иежнее всех — ту, глубже всех

В иочь канувшую — иа дела лихие!
И как *не* разлюбил тебя, Россия.

И вдоль виска — потеряиным перстом —
Все водит, водит... И еще о том,

Какие дни иас ждут, как бог обмаиет,
Как стаиешь солнце звать — и как *не* встанет...

Так, узииком с собой иаедиие
(Или ребеиок говорит во сие?),

Предстало иам — всей площади широкой! —
Святое сердце Александра Блока.

9 мая 1920

10

Вот он — гляди, — уставшнй от чужбин,
Вождь без дружин.

Вот — горстью пьет нз горней быстрнны, —
Князь без страны.

Там всё ему: и княжество, н рать,
И хлеб, н мать.

Краснó твое наследне, — владей,
Друг без друзей!

15 августа 1921

11

Други его — не тревожьте его!
Слуги его — не тревожьте его!
Было так ясио иа лике его:
Царство мое ие от мнра сего.

Вещне вьюгн кружнли вдоль жил,
Плечн сутулые гнулись от крыл.
В певчую прорезь, в запекшийся пыл —
Лебедем душу свою упустнл!

Падай же, падай же, тяжкая медь!
Крылья нзведали право: лететь!
Губы, кричавшне слово: ответь! —
Знают, что этого нет — умереть!

Зорн пьет, море пьет, — в полную сыть
Бражничает. — Паннхнд не служить!

У навсегда повелевшего: быть!
Хлеба достанет его накормить!

15 августа 1921

12

А над равниной —
Крик лебединый.
Матерь, ужель не узнала сына?
Это с заоблачной — он — версты,
Это последнее — он — прости.

А над равниной —
Вещая вьюга.
Дева, ужель не узнала друга?
Рваные ризы крыло в крови...
Это последнее он: — Живи!

Над окаянной —
Взлет осиянный.
Праведник душу урвал — осанна!
Каторжник койку-обрел-теплынь.
Пасынок к матери в дом. — Аминь.

Между 15 и 25 августа 1921

13

Не проломанное ребро —
Переломленное крыло.

Не расстрельщиками навылет
Грудь простреленная. Не вынуть

Этой пули. Не чинят крыл.
Изуродованный ходил.

Цепок, цепок венец из терний!
Чтó усопшему — трепет черни,

Женской лести лебяжий пух...
Проходил, одинок и глух,

Замораживая закаты
Пустотою безглазых статуй.

Лишь одно еще в нем жило:
Переломленное крыло.

Между 15 и 25 августа 1921

14

Без зова, без слова, —
Как кровельщик падает с крыш.
А может быть, снова
Пришел, — в колыбели лежишь?

Горишь и не меркнешь,
Светильник немногих недель...
Какая из смертных
Качает твою колыбель?

Блаженная тяжесть!
Пророческий певчий камыш!
О, кто мне расскажет,
В какой колыбели лежишь?

«Покамест не продан!»
Лишь с ревностью этой в уме,
Великим обходом
Пойду по российской земле.

Полночные страны
Пройду из конца и в конец.
Где рот-его-рана,
Очей синеватый свинец?

Схватить его! Крепче!
Любить и любить его лишь!
О, кто мне нашепчет,
В какой колыбели лежишь?

Жемчужные зерна,
Кисейная сонная сень.
Не лавром, а тёрном —
Чепца острозубая тень.

Не полог, а птица
Раскрыла два белых крыла!
— И снова родиться,
Чтоб снова метель замела?!

Рвануть его! Выше!
Держать! Не отдать его лишь!
О, кто мне надышит,
В какой колыбели лежишь?

А может быть, ложен
Мой подвиг, и даром — труды.
Как в землю положен,
Быть может, — проспишь до трубы.

Огромную впалость
Висков твоих — вижу опять.
Такую усталость —
Ее и трубой не поднять!

Державная пажить,
Надежная, ржавая тишь.
Мне сторож покажет,
В какой колыбели лежишь.

22 ноября 1921

15

Как сонный, как пьяный,
Врасплох, не готовясь.
Височные ямы:
Бессонная совесть.

Пустые глазницы:
Мертво и светло.
Сновидца, всевидца
Пустое стекло.

Не ты ли
Ее шелестящей хламиды
Не вынес —
Обратным ущельем Аида?

Не эта ль,
Серебряным звоном полна,
Вдоль сонного Гебра
Плыла голова?

25 ноября 1921

16

Так, господи! И мой обол
Прими на утвержденье храма.
Не свой любовный произвол
Пою — своей отчизны рану.

Не скаредника ржавый ларь —
Гранит, коленами протертый!
Всем отданы герой и царь,
Всем — праведник — певец — и мертвый.

Днепром разламывая лед,
Гробовым не смущаясь тёсом,
Русь — Пасхою к тебе плывет,
Разливом тысячеголосым.

Так, сердце, плачь и славословь!
Пусть вопль твой — тысяча который? —
Ревнует смертная любовь.
Другая — радуется хору.

2 декабря 1921

ИЗ ЦИКЛА «АХМАТОВОЙ»

1

О муза плача, прекраснейшая из муз!
О ты, шальное исчадие ночи белой!
Ты черную насылаешь метель на Русь,
И вопли твои вонзаются в нас, как стрелы.

И мы шарахаемся, и глухое: ох! —
Стотысячное — тебе присягает, — Анна
Ахматова! — Это имя — огромный вздох,
И в глубь он падает, которая безымянна.

Мы коронованы тем, что одну с тобой
Мы землю топчем, что небо над нами — то же!
И тот, кто ранен смертельной твоей судьбой,
Уже бессмертным на смертное сходит ложе.

В певучем граде моем купола горят,
И Спаса светлого славит певец бродячий...
— И я дарю тебе свой колокольный град,
Ахматова! — и сердце свое в придачу.

19 июня 1916

2

Охватила голову и стою, —
Что́ людские козни! —
Охватила голову и пою
На заре на поздней.

Ах, неистовая меня волна
Подняла на гребень!
Я тебя́ пою, что у нас — одна,
Как луна на небе!

Что, на сердце во́роном налетев,
В облака вонзилась,
Горбоносую, чей смертелен гнев
И смертельна — милость.

Что и иад червонным моим Кремлем
Свою ночь простерла,
Что певучей иегою — как ремнем,
Мие стяиула горло.

Ах, я счастлива! Никогда заря
Не сгорала — чище.
Ах, я счастлива, что, тебя даря,
Удаляюсь — нищей,

Что тебя, чей голос — о глубь! о мгла! —
Мие дыхаиье сузил,
Я впервые именем иазвала
Музы.

22 июня 1916

3

Еще одии огромиый взмах —
И спят ресиицы.
О, тело милое! О, прах
Легчайшей птицы!

Что делала в тумаие дней?
Ждала и пела...
Так миого вздоха было в ией,
Так мало — тела.

Не человечески мила
Ее дремота.
От аигела и от орла
В ней было что-то.

И спит, а хор ее манит
В сады Эдема.
Как будто песнями не сыт
Уснувший демон!

Часы, года, века. — Ни нас,
Ни наших комнат.
И памятник, накоренясь,
Уже не помнит.

Давно бездействует метла,
И никнут льстиво
Над Музой Царского Села
Кресты крапивы.

23 июня 1916

4

Имя ребенка — Лев,
Матери — Анна.
В имени его — гнев,
В материнском — тишь.
Волосом он рыж,
— Голова тюльпана! —
Что ж осанна
Маленькому царю.

Дай ему бог — вздох
И улыбку матери,
Взгляд — искателя
Жемчугов.
Бог, внимательней
За ним присматривай:

Царский сыи — гадательней
Остальиых сыиов.

Рыжий львеныш
С глазами зелеиыми,
Страшиое иаследие тебе иести!

Севериый Океан и Южиый
И нить жемчужных
Чериых четок — в твоей горсти!
24 июня 1916 г.

5

Сколько спутников и друзей!
Ты никому ие вторишь.
Правят юиостью иежной сей —
Гордость и горечь.

Помнишь бешеный деиь в порту,
Южных ветров угрозы,
Рев Каспия — и во рту
Крылышко розы.

Как цыгаика тебе дала
Камень в рсзиой оправе,
Как цыгаика тебе врала
Что-то о славе...

И — высóко у парусов —
Отрока в сиией блузе.
Гром моря — и грозиый зов
Раиеиой Музы.

25 июня 1916 г.

6

Не отстать тебе. Я — острожник,
Ты — конвойный. Судьба одна.
И одна в пустоте порожней
Подорожная нам дана.

Уж и нрав у меня спокойный!
Уж и очи мои ясны!
Отпусти-ка меня, конвойный,
Прогуляться до той сосны!

26 июня 1916

7

Ты, срывающая покров
С катафалков и колыбелей,
Разъярительница ветров,
Насылательница метелей,

Лихорадок, стихов и войн,
— Чернокнижница! — Крепостница! —
Я заслышала грозный вой
Львов, венчающих колесницу.

Слышу страстные голоса —
И один, что молчит упорно.
Вижу красные паруса —
И один — между ними — черный.

Океаном ли правишь путь
Или воздухом, — всею грудью
Жду, как солнцу подставив грудь
Смертоносному правосудью.

26 июня 1916

8

На базаре кричал народ,
Пар вылетал из булочной.
Я запомнила алый рот
Узколицей певицы уличной.

В темном — с цветиками — платке,
— Милости удостоиться —
Ты, потупленная, в толпе
Богомолок у Сергий-Троицы.

Помолись за меня, краса
Грустная и бесовская,
Как поставят тебя леса
Богородицей хлыстовскою.

27 июня 1916

9

Златоустой Анне — всея Руси
Искупительному глаголу, —
Ветер, голос мой донеси
И вот этот мой вздох тяжелый.

Расскажи, сгорающий небосклон,
Про глаза, что черны от боли,
И про тихий земной поклон
Посреди золотого поля.

Ты, зеленоводный лесной ручей,
Расскажи, как сегодня ночью

Я взглянула в тебя — и чей
Лик узрела в тебе воочью.

Ты, в грозовой выси
Обретенный вновь!
Ты! — Безымянный!
Донеси любовь мою
Златоустой Анне — Всея Руси!
27 июня 1916

10

У тонкой проволоки над волной овсов
Сегодня голос — как тысяча голосов!

И бубенцы проезжие — свят! свят! свят! —
Не тем же ль голосом, господи, говорят?
Стою и слушаю, и растираю колос,
И темным куполом меня замыкает — голос.

Не этих ивовых плавающих ветвей
Касаюсь истово, — а руки твоей!

Для всех, в томленье славящих твой подъезд, —
Земная женщина, мне же — небесный крест!

Тебе одной ночами кладу поклоны, —
И все *твоими* очами глядят иконы!
1 июля 1916

11

Ты солнце в выси мне зáстишь,
Все звезды в твоей горсти!
Ах, если бы — двери настежь —
Как ветер к тебе войти!

И залепетать, и вспыхнуть,
И круто потупить взгляд,
И, всхлипывая, затихнуть —
Как в детстве, когда простят.
2 июля 1916

* * *

Белое солнце и низкие, низкие тучи,
Вдоль огородов — за белой стеною — погост.
И на песке вереницы соломенных чучел
Под перекладинами в человеческий рост.

И, перевесившись через заборные колья,
Вижу: дороги, деревья, солдаты вразброд.
Старая баба — посыпанный крупною солью
Черный ломóть у калитки жует и жует...

Чем прогневили тебя эти старые хаты, —
Господи! — и для чего стольким простреливать
грудь?
Поезд прошел и завыл, и завыли солдаты,
И запылил, запылил отступающий путь...

— Нет, умереть! Никогда не родиться бы лучше,
Чем этот жалобный, жалостный, каторжный вой

О чернобровых красавицах. — Ох, и поют же
Нынче солдаты! О, господи боже ты мой!

3 июля 1916

* * *

Бог согнулся от заботы
И затих.
Вот и улыбнулся, вот и
Много ангелов святых

С лучезарными телами
Сотворил.
Есть с огромными крылами,
А бывают и без крыл.

Оттого и плачу много,
Оттого —
Что взлюбила больше бога
Милых ангелов его.

15 августа 1916

* * *

Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес,
Оттого что лес — моя колыбель, и могила — лес,
Оттого что я на земле стою — лишь одной ногой,
Оттого что я о тебе спою — как никто другой.

Я тебя отвоюю у всех времен, у всех ночей,
У всех золотых знамен, у всех мечей,

Я ключи закину и псов прогоню с крыльца —
Оттого что в земной ночи я вернее пса.

Я тебя отвоюю у всех других — у той, одной,
Ты не будешь ничей жених, я — ничьей женой,
И в последнем споре возьму тебя — замолчи! —
У того, с которым Иаков стоял в ночи.

Но покá тебе не скрещу на груди персты —
О проклятие! — у тебя остаешься — ты:
Два крыла твои, нацеленные в эфир, —
Оттого что мир — твоя колыбель, и могила — мир!

15 августа 1916

* * *

Кабы нас с тобой — да судьба свела —
Ох, веселые пошли бы по земле дела!
Не один бы нам поклонился град,
Ох, мой рóдный, мой природный, мой безродный брат!

Как последний сгас на мосту фонарь —
Я кабацкая царица, ты кабацкий царь.
Присягай, народ, моему царю!
Присягай его царице, — всех собой дарю!

Кабы нас с тобой — да судьба свела —
Поработали бы царские на нас колокола,
Поднялся бы звон по Москве-реке
О прекрасной самозванке и ее дружке.

Нагулявшись, наплясавшись на земном пиру,
Покачались бы мы, братец, на ночном ветру...

И пылила бы дороженька — бела, бела, —
Кабы нас с тобой — да судьба свела!

25 октября 1916

СТЕНЬКА РАЗИН

1

Ветры спать ушли — с золотой зарей,
Ночь подходит — каменною горой,
И с своей княжною из жарких стран
Отдыхает бешеный атаман.

Молодые плечи в охапку сгреб,
Да заслушался, запрокинув лоб, —
Как гремит над жарким его шатром
Соловьиный гром.

22 апреля 1917

2

А над Волгой — ночь,
А над Волгой — сон.
Расстелили ковры узорные,
И возлег на них атаман с княжной
Персиянкою — брови черные.

И не видно звезд, и не слышно волн, —
Только весла да темь кромешная!
И уносит в ночь атаманов челн
Персиянскую душу грешную.

И услышала
Ночь — такую речь:
— Аль не хочешь, что ль,
Потеснее лечь?
Ты меж наших баб —
Что жемчужинка!
Аль уж страшен так?
Я твой вечный раб,
Персияночка!
Полоняночка!

А она — брови насупила,
Брови длинные,
А она — очи потупила
Персиянские,
И из уст ее —
Только вздох один:
—Джаль-Эддин!

А над Волгой — заря румяная,
А над Волгой — рай.
И грохочет ватага пьяная:
— Атаман, вставай!

Належался с басурманскою собакою!
Вишь, глаза-то у красавицы наплаканы!

А она — что смерть.
Рот закушен в кровь.
Так и ходит атаманова крутая бровь.

— Не поладила ты с нашею постелью —
Так поладь, собака, с нашею купелью!

В небе-то — ясно,
Тёмно — на дне.
Красный один
Башмачок на корме.

И стоит Степан — ровно грозный дуб,
Побелел Степан — аж до самых губ.
Закачался, зашатался. — Ох, томно!
Поддержите, нехристи, — в очах тёмно!

Вот и вся тебе персияночка,
Полоняночка.

25 апреля 1917

3

(СОН РАЗИНА)

И снится Разину — сон:
Словно плачется болотная цапля.
И снится Разину — звон:
Ровно капельки серебряные каплют.

И снится Разину — дно —
Цветами, что плат ковровый.
И снится лицо одно —
Забытое, чернобровое.

Сидит, ровно божья мать,
Да жемчуг на нитку нижет.
И хочет он ей сказать,
Да только губами движет...

Сдавило дыханье — аж
Стеклянный, в груди, осколок.
И ходит, как сонный страж,
Стеклянный — меж ними — полог.

Рулевой зарею правил
Вниз по Волге-реке.
Ты зачем меня оставил
Об одном башмачке?

Кто красавицу захочет
В башмачке одном?
Я приду к тебе, дружочек,
За другим башмачком!

И звенят-звенят, звенят-звенят запястья:
— Затонуло ты, Степаново счастье!

8 мая 1917

* * *

Горечь! Горечь! Вечный привкус
На губах твоих, о страсть!
Горечь! Горечь! Вечный искус —
Окончательнее пасть.

Я от горечи — целую
Всех, кто молод и хорош.
Ты от горечи — другую
Ночью за руку ведешь.

С хлебом ем, с водой глотаю
Горечь-горе, горечь-грусть.
Есть одна трава такая
На лугах твоих, о Русь.

10 июня 1917

ЦЫГАНСКАЯ СВАДЬБА

Из-под копыт —
Грязь летит!
Перед лицом —
Шаль, как щит.
Без молодых
Гуляйте, сваты!
Эй, выноси,
Конь косматый!

Не́ дали воли нам
Отец и мать, —
Целое поле нам —
Брачная кровать!

Пьян без вина и без хлеба сыт —
Это цыганская свадьба мчит!

По́лон стакан.
Пуст стакан.
Гомон гитарный, луна и грязь.
Вправо и влево качнулся стан:
Князем — цыган!
Цыганом — князь!

Эй, господин, берегись, — жжет!
Это цыганская свадьба пьет.

Там, на во́рохе
Шалей и шуб, —
Звон и шорох
Стали и губ.
Звякнули шпоры,
В ответ — мониста.
Скрипнул под чьей-то рукою —
Шелк.
Кто-то завыл, как волк.
Кто-то — как бык — храпит.
Это цыганская свадьба спит.

25 июня 1917

РУАН

И я вошла, и я сказала: — Здравствуй!
Пора, король, во Францию, домой!
И я опять веду тебя на царство,
И ты опять обманешь, Карл Седьмой!

Не ждите, принц скупой и невеселый,
Бескровный принц, не распрямивший плеч, —
Чтоб Иоанна разлюбила — голос,
Чтоб Иоанна разлюбила — меч.

И был Руан, в Руане — Старый рынок...
— Все будет вновь: последний взор коня,
И первый треск невинных хворостинок,
И первый всплеск соснового огня.

А за плечом — товарищ мой крылатый
Опять шепнет: — Терпенье, сестра! —

Когда сверкнут серебряные латы
Сосновой кровью моего костра.

4 декабря 1917

* * *

В черном небе слова начертаны —
И ослепли глаза прекрасные...
И не страшно нам ложе смертное,
И не сладко нам ложе страстное.

В поте — пишущий, в поте — пашущий!
Нам знакомо иное рвение:
Легкий огонь, над кудрями пляшущий, —
Дуновение — вдохновения!

14 мая 1918

* * *

Полюбил богатый — бедную,
Полюбил ученый — глупую,
Полюбил румяный — бледную,
Полюбил хороший — вредную:
Золотой — полушку медную.

— Где, купец, твое роскошество?
«Во дырявом во лукошечке!»

— Где, гордец, твои учености?
«Под подушкой у девчоночки!»

— Где, красавец, щеки алые?
«Зá ночь черную — растаяли».

— Крест серебряный с цепочкою?
«У девчонки под сапожками!»

Не люби, богатый, — бедную,
Не люби, ученый, — глупую,
Не люби, румяный, — бледную,
Не люби, хороший — вредную:
Золотой — полушку медную!

Между 21 и 26 мая 1918

* * *

Как правая и левая рука —
Твоя душа моей душе близка.

Мы смежены, блаженно и тепло,
Как правое и левое крыло.

Но вихрь встает — и бездна пролегла
От правого — до левого крыла!

10 июля 1918

* * *

Доблесть и девственность! Сей союз
Древен и дивен, как смерть и слава.
Красною кровью своей клянусь
И головою своей кудрявой —

Ноши не будет у этих плеч,
Кроме божествеиной ношн — Мира!
Нежную руку кладу иа меч:
На лебедииую шею Лиры.

27 июля 1918

* * *

Мой день беспутеи н нелеп:
У ннщего прошу на хлеб,
Богатому даю на бедность,

В иголку продеваю — луч,
Грабнтелю вручаю — ключ,
Белнламн румяню бледность.

Мне ннщнй хлеба не дает,
Богатый денег ие берет,
Луч не вдевается в иголку,

Грабитель входнт без ключа,
А дура плачет в три ручья —
Над днем без славы и без толку.

29 июля 1918

* * *

Стнхи растут, как звезды и как розы,
Как красота — ненужная в семье.
А на венцы и иа апофезы —
Один ответ: — Откуда мне сие?

7 Заказ 849

Мы спнм — и вот, сквозь каменные плнты,
Небесный гость в четыре лепестка.
О мнр, поймн! Певцом — во сне — открыты
Закои звезды и формула цветка.

14 августа 1918

* * *

Если душа родилась крылатой —
Чтó ей хоромы и чтó ей хаты!
Чтó Чннгисхаи ей — и чтó — Орда!
Два иа миру у меия врага,
Два близнеца — неразрывно-слитых:
Голод голодиых — н сытость сытых!

18 августа 1918

* * *

Не смущаю, не пою
Жеискою отравою.
Руку вериую даю —
Пишущую, правую.

Той, которою крещу
На иочь — ненаглядиую.
Той, которою пишу
То, что богом задаио.

Левая — она дерзка,
Льстивая, лукавая.
Вот тебе моя рука —
Праведная, правая!

10 октября 1918

АЛЕ

1

Не знаю — где ты́ и где я́.
Те ж песни и те ж заботы.
Такие с тобою друзья!
Такие с тобою сироты!

И так хорошо нам вдвоем —
Бездомным, бессонным и сирым...
Две птицы: чуть встали — поем,
Две странницы: кормимся миром.

2

И бродим с тобой по церквам
Великим — и малым, приходским.
И бродим с тобой по домам
Убогим — и знатным, господским.

Когда-то сказала: — Купи! —
Сверкнув на кремлевские башни.
Кремль — твой от рождения. — Спи,
Мой первиец светлый и страшный.

3

И как под землею трава
Дружится с рудою железной, —
Все видят пресветлые два
Провала в небесную бездну.

— Сивилла! — Зачем моему
Ребенку — такая судьбина?
Ведь русская доля — ему...
И век ей: Россия, рябина...

24 августа 1918

ИЗ ЦИКЛА «СТИХИ К СОНЕЧКЕ»

1

В мое окошко дождь стучится.
Скрипит рабочий над станком.
Была я уличной певицей,
А ты был княжеским сынком.

Я пела про судьбу-злодейку,
И с раззолоченных перил
Ты мне не рупь и не копейку, —
Ты мне улыбку подарил.

Но старый князь узнал затею:
Сорвал он с сына ордена
И повелел слуге-лакею
Прогнать девчонку со двора.

И напилась же я в ту ночку!
Зато в блаженном мире — том —
Была я — княжескою дочкой,
А ты был уличным певцом!

24 апреля 1919

2

Заря малиновые полосы
Разбрасывает на снегу,
А я пою нежнейшим голосом
Любезной девушки судьбу:

О том, как редкостным растением
Цвела в светлейшей из теплиц:
В высокосветском заведении
Для благороднейших девиц.

Как белым личиком в передничек
Ныряла от словца «жених»;
И как перед самим Наследником
На выпуске читала стих,

И как чужих сирот-проказников
Водила в храм и на бульвар,
И как потом домой на праздники
Приехал первенец-гусар.

Гусар! — Еще не кончив с куклами,
— Ах! — в люльке мы гусара ждем!
О, дом вверх дном! Букварь — вниз буквами!
Давайте дух переведем!

Посмотрим, как невинно-розовый
Цветок сажает на фаянс.

Проверим три старинных козыря:
Пасьянс — романс — и контраданс.

Во всей девчонке — ни кровиночки...
Вся, как косыночка, бела.
Махнула белою косыночкой,
Султаном помахал с седла.

И как потом к старухе чопорной
Свалилась под ноги, как сноп,
И как сам граф, ногами топая,
Ее с крыльца спустил — в сугроб...

И как потом со свертком капельным
(Отцу ненадобным дитём!)
В царевом доме воспитательном
Прощалася... И как — потом —

Предавши розовое личико
Пустоголовым мотылькам,
Служило бедное девичество
Его величества полкам...

И как художникам-безбожникам
В долг одолжала красоту,
И как потом с вором-острожником
Толк заводила на мосту...

И как рыбак на дальнем взморье
Нашел двух туфелек следы...
Вот вам старинная история,
А мне за песню — две слезы.

Апрель 1919

3

Маленькая снгарера!
Смех н танец всей Севнльн!
Что тебе в том длнннном, длинном
Чужестранце длннноногом?

Оттого, что ногн длннны, —
Не судн: прнходит первым.
И у цапли ногн — длннны:
Все на том же на болоте!

Невндаль, что белорук он!
И у кошки ручкн — белы.
Оттого, что белы ручкн, —
Не судн: ласкает лучше!

Невндаль, что белокур он!
И у пены — кудрн белы,
И у дыма — кудри белы,
И у куры — перья белы!

Берегнсь того, кто утром
Подымается без песен,
Берегнсь того, кто трезвым —
Как капель — ко сну отходнт,

Кто от солнца н от женщин
Прячется в собор и в погреб,
Как ножа бежит — загару,
Как чумы бежит — улыбкн.

Стыд и скромность, сигарера,
Украшенье для девнцы,

Украшенье для деанцы,
Посрамлеиье для мужчины.

Кто приятелям не должен —
Тот нааряд лн щедр к подругам.
Кто к жидам не знал дороги —
Сам жндом под старость станет.

Посему, малютка-сердце,
Маленькая сигарера,
Ты ииого приложеиья
Понщн для красных губок.

Губкн красиые — что розы:
Нынче пышут, заатра вянут,
Жалко их — иа привиденье,
И жиаой душн — на камень.

1919—1937
Москва — Ванв

4

Твои руки чериы от загару,
Таон ногти саетлее стекла...
— Сигарера! Скрути мие сигару,
Чтобы дымом любоаь нзошла.

Скажут люди, идущие мимо:
«Что с глазамн-то? Сает, что ль,
не мнл?»
А я тихо отаечу: «От дыму.
Я деачоику свою продымнл!»

5

Ландыш, ландыш белоснежный,
Розан аленький!
Каждый говорил ей нежно:
«Моя маленькая!»

— Ликом — чистая иконка,
Пеньем — пеночка... —
И качал ее тихонько
На коленочках.

Ходит вправо, ходит влево
Божий маятник.
И кончалось все припевом:
«Моя маленькая!»

Божьи думы нерушимы,
Путь — указанный.
Маленьким не быть большими,
Вольным — связанными.

И предстал — в кого не целят
Девки — пальчиком:
Божий ангел встал с постели —
Вслед за мальчиком.

— Будешь цвесть под райским древом,
Розан аленький! —
Так и кончилась с припевом:
«Моя маленькая!»

16 июня 1919

6

Два дерева ходят друг к другу.
Два дерева. Напротив дом мой.
Деревья старые. Дом старый.
Я молода, а то б, пожалуй,
Чужих деревьев не жалела.

То, что поменьше, тянет руки,
Как женщина, из жил последних
Вытянулось — смотреть жестоко,
Как тянется — к тому, другому,
Что старше, стойче и — кто знает? —
Еще несчастнее, быть может.

Два дерева: в пылу заката
И под дождем — еще под снегом —
Всегда, всегда: одно к другому,
Таков закон: одно к другому,
Закон один: одно к другому.

Август 1919

7

Заря пылала, догорая,
Солдатики шагали в ряд.
Мне мать сказала, умирая:
— Надень мальчишеский наряд.

Вся наша белая дорога
У них, мальчоночков, в горсти,
Девчонке самой легконогой
Все ж дальше сердца не уйти!

Мать думала, солдаты пели.
И все, пока не умерла,
Подрагивал конец постели:
Она танцо́вщицей была!

...И если сердце, разрываясь,
Без лекаря снимает швы, —
Знай, что от сердца — голова есть,
И есть топор — от головы...

Июнь 1920

8

Словно теплая слеза —
Капля капнула в глаза.
Там, в небесной вышине,
Кто-то плачет обо мне.

Июнь 1920

* * *

Чтобы помнил не часочек, не годок —
Подарю тебе, дружочек, гребешок.

Чтобы помнили подружек мил-дружки —
Есть на свете золотые гребешки.

Чтоб дружочку не пилось без меня —
Гребень, гребень мой, расческа моя!

Нет на свете той расчески чудней:
Струны — зубья у расчески моей.

Чуть притронешься — пойдет трескотня
Про меня одну, да все про меня.

Чтоб дружочку не спалось без меня —
Гребень, гребень мой, расческа моя!

Чтобы чудился в жару и в поту
От меня ему вершочек — с версту,

Чтоб ко мне ему все версты — с вершок —
Есть на свете золотой гребешок.

Чтоб дружочку не жилось без меня —
Семиструнная расческа моя!

2 ноября 1918

* * *

Развела тебе в стакане
Горстку жженых волос.
Чтоб не елось, чтоб не пелось,
Не пилось, не спалось.

Чтобы младость — не в радость,
Чтобы сахар — не в сладость,
Чтоб не ладил в тьме ночной
С молодой женой.

Как власы мои златые
Стали серой золой,

Так года твои младые
Станут белой зимой.

Чтоб ослеп — оглох,
Чтоб иссох, как мох,
Чтоб ушел, как вздох.

3 ноября 1918

* * *

Я счастлива жить образцово и просто:
Как солнце — как маятник — как календарь.
Быть светской пустынницей стройного роста,
Премудрой — как всякая божия тварь.

Знать: Дух — мой сподвижник, и Дух — мой вожатый!
Входить без докладу, как луч и как взгляд.
Жить так, как пишу: образцово и сжато, —
Как бог повелел и друзья не велят.

22 ноября 1918

* * *

Та ж миловидность, и те же дыры,
И те же ночи у костра...
Моя божественная лира
С твоей гитарою — сестра.

Нам дар один на долю выпал:
Кружить по душам, как метель.
— Грабительница душ! — Сей титул
И мне опущен в колыбель!

В тоске заламывая руки,
Знай: не одна в тумане дней
Цыганским варевом разлуки
Дурманишь молодых князей.

Знай: не одна на ножик вострый
Глядишь с томлением в крови, —
Знай, что еще одна... — Что сестры
В великой низости любви.

Март 1919

П. АНТОКОЛЬСКОМУ

Дарю тебе железное кольцо:
Бессонницу — восторг — и безнадежность.
Чтоб не глядел ты девушкам в лицо,
Чтоб позабыл ты даже слово: нежность.

Чтоб голову свою в шальных кудрях,
Как пенный кубок возносил в пространство,
Чтоб обратило в огнь — и в пепл — и в прах
Тебя твое железное спартанство.

Когда ж к твоим пророческим кудрям
Сама Любовь приникнет красным углем,
Тогда молчи и прижимай к губам
Железное кольцо на пальце смуглом.

Вот талисман тебе от красных губ,
Вот первое звено в твоей кольчуге, —
Чтоб в буре дней стоял один — как дуб,
Один как бог — в своем железном круге!

Март 1919

БАБУШКА

1

Когда я буду бабушкой —
Годов через десяточек —
Причудницей, забавницей, —
Вихрь с головы до пяточек!

И внук — кудряш — Егорушка
Взревет: «Давай ружье!»
Я брошу лист и перышко —
Сокровище мое!

Мать всплачет: «Год три месяца,
А уж, глядь, как зол!»
А я скажу: «Пусть бесится!
Знать, в бабушку пошел!»

Егор, моя утробушка!
Егор, ребро от ребрышка!
Егорушка, Егорушка,
Егорий — свет — храбрец!

Когда я буду бабушкой —
Седой каргою с трубкою! —

И внучка, в полночь крадучись,
Шепнет, взметнувши юбками:

«Кого, скажите, бабушка,
Мне взять из семерых?» —
Я опрокину лавочку,
Я закружусь, как вихрь.

Мать: «Ни стыда, ни совести!
И в гроб пойдет пляша!»
А я-то: «На здоровьице!
Знать, в бабушку пошла!»

Кто хо́док в пляске рыночной —
Тот лих и на перинушке, —
Маринушка, Маринушка,
Марина — синь-моря!

«А целовалась, бабушка,
Голубушка, со сколькими?»
— «Я дань платила песнями,
Я дань взымала кольцами.

Ни ночки даром проспанной:
Всё в райском во саду!»
— «А как же, бабка, господу
Предстанешь на суду?»

«Свистят скворцы в скворешнице,
Весна-то — глянь! — бела...
Скажу: — Родимый, — грешница!
Счастливая была!

Вы ж, ребрышко от ребрышка,
Маринушка с Егорушкой,

Моей землицы горсточку
Возьмите в узелок».

23 июля 1919

2

А как бабушке
Помирать, помирать, —
Стали голуби
Ворковать, ворковать.

«Что ты, старая,
Так лихуешься?»
А она в ответ:
«Что воркуете?»

— «А воркуем мы
Про твою весну!»
— «А лихуюсь я,
Что идти ко сну,

Что навек засну
Сном закованным —
Я, бессонная,
Я, фартовая!

Что луга мои яицкие не скошены,
Жемчуга мои бурмицкие не сношены,
Что леса мои волынские не срублены,
На Руси не все мальчишки перелюблены!»

А как бабушке
Отходить, отходить, —

Стали голубн
В окио крыльями бить.

«Что уж страшеи так,
Бабка, голос таой?»
— «Не хочу отдать
Деакам — мóлодцеа».

— «Нагулялась ты, —
Пора знать и стыд!»
— «Этой малостью
Разае будешь сыт?

Что над тем костром
Я — холодиая,
Что за тем столом
Я — голодиая».

А как бабушку
Поиесли, поиесли, —
Все-то голуби
Полегли, полегли:

Киизу — крылышком,
Кверху — лапочкой...
— Помолитесь, виучки юиые, за бабушку!

25 июля 1919

* * *

Когда-иибудь, прелестное созданье,
Я стану для тебя воспомниаиьем,

Там, в памяти твоей голубоокой
Затерянным — так далекó-далёко.

Забудешь ты мой профиль горбоносый,
И лоб в апофеозе папиросы,

И вечный смех мой, коим всех морочу,
И сотню — на руке моей рабочей —

Серебряных перстней, — чердак-каюту,
Моих бумаг божественную смуту...

Как в страшный год, возвышены Бедою.
Ты — маленькой была, я — молодою.

Ноябрь 1919

* * *

У первой бабки — четыре сына,
Четыре сына — одна лучина,

Кожух овчинный, мешок пеньки, —
Четыре сына — да две руки!

Как ни навалишь им чашку — чисто!
Чай, не барчата! — Семинаристы!

А у другой — по иному трахту! —
У той тоскует в ногах вся шляхта.

И вот — смеется у камелька:
«Сто богомольцев — одна рука!»

И зацелованными руками
Чудит над клавишами, шелками...

Обеим бабкам я вышла — внучка:
Чернорабочий — и белоручка!

Январь 1920
Москва

* * *

С. Э.

Писала я на аспидной доске,
И на листочках вееров поблёклых,
И на речном, и на морском песке,
Коньками пó льду и кольцом на стеклах, —

И на стволах, которым сотни зим,
И, наконец — чтоб было всем известно! —
Что ты любим! любим! любим! — любим! —
Расписывалась — радугой небесной.

Как я хотела, чтобы каждый цвел
В векáх со мной! под пальцами моими!
И как потом, склонивши лоб на стол,
Крест-нáкрест перечеркивала — имя...

Но ты, в руке продажного писца
Зажатое! ты, что мне сердце жалишь!
Непроданное мной! *внутри* кольца!
Ты — уцелеешь на скрижалях.

18 мая 1920

ПРИГВОЖДЕНА...

1

Пригвождена к позорному столбу
Славянской совести старинной,
С змеею в сердце и с клеймом на лбу,
Я утверждаю, что — невинна.

Я утверждаю, что во мне покой
Причастницы перед причастьем,
Что не моя вина, что я с рукой
По площадям стою — за счастьем.

Пересмотрите всё мое добро,
Скажите — или я ослепла?
Где золото мое? Где серебро?
В моей ладони — горстка пепла!

И это всё, что лестью и мольбой
Я выпросила у счастливых.
И это всё, что я возьму с собой
В край целований молчаливых.

19 мая 1920

2

Пригвождена к позорному столбу,
Я все ж скажу, что я тебя люблю.

Что ни одна до самых недр — мать
Так на ребенка своего не взглянет.
Что за тебя, который делом занят,
Не умереть хочу, а умирать.

Ты не поймешь, — малы мои слова! —
Как мало мне позорного столба!
Что если б знамя мне доверил полк,
И вдруг бы *ты* предстал перед глазами —
С другим в руке — окаменев как столб,
Моя рука бы выпустила знамя...
И эту честь последнюю поправ, —
Прениже ног твоих, прениже трав.
Твоей рукой к позорному столбу
Пригвождена — березкой на лугу.

Сей столб встает мне, и не рокот толп —
То голуби воркуют утром рано...
И, все уже отдав, сей черный столб
Я не отдам — за красный нимб Руана!

19 мая 1920

3

Ты этого хотел. — Так. — Аллилуйя.
Я руку, бьющую меня, целую.

В грудь оттолкнувшую — к груди тяну,
Чтоб, удивясь, прослушал — тишину.

И чтоб потом, с улыбкой равнодушной:
— Мое дитя становится послушным!

Не первый день, а многие века
Уже тяну тебя к груди, рука

Монашеская — хладная до жара! —
Рука — о Элоиза! — Абеляра!

В гром кафедральный — дабы насмерть бить! —
Ты, белой молнией взлетевший бич!

19 мая 1920

* * *

Кто создан из камня, кто создан из глины, —
А я серебрюсь и сверкаю!
Мне дело — измена, мне имя — Марина,
Я — бренная пена морская.

Кто создан из глины, кто создан из плоти —
Тем гроб и надгробные плиты!
— В купели морской крещена — и в полете
Своем — непрестанно разбита!

Сквозь каждое сердце, сквозь каждые сети
Пробьется мое своеволье.
Меня — видишь кудри беспутные эти? —
Земною не сделаешь солью.

Дробясь о гранитные ваши колена,
Я с каждой волной — воскресаю!
Да здравствует пена — веселая пена —
Высокая пена морская!

23 мая 1920

ДВЕ ПЕСНИ

1

И что тому костер остылый,
Кому разлука — ремесло!
Одной волною накатило,
Другой волною унесло.

Ужели в раболепном гневе
За милым поползу ползком —
Я, выношенная во чреве
Не материнском, а морском!

Кусай себе, дружочек родный,
Как яблоко — весь шар земной!
Беседуя с пучиной водной,
Ты все ж беседуешь со мной.

Подобно земнородной деве,
Не скрестит две руки крестом —
Дщерь, выношенная во чреве
Не материнском, а морском!

Нет, *наши* девушки не плачут,
Не пишут и не ждут вестей!
Нет, снова я пущусь рыбачить
Без невода и без сетей!

Какая власть в моем напеве, —
Одна не ведаю о том, —
Я, выношенная во чреве
Не материнском, а морском.

Когда-нибудь, морские струи
Разглядывая с корабля,
Ты скажешь: «Я любил — морскую!
Морская канула — в моря!»

В коралловом подводном древе
Не ты ль — серебряным хвостом,
Дщерь, выношенная во чреве
Не материнском, а морском!

13 июня 1920

2

Вчера еще в глаза глядел,
А нынче — всё косится в сторону!
Вчера еще до птиц сидел, —
Все жаворонки нынче — вороны!

Я глупая, а ты умен,
Живой, а я остолбенелая.
О, вопль женщин всех времен:
«Мой милый, что́ тебе я сделала?!»

И слезы ей — вода, и кровь —
Вода, — в крови, в слезах умылася!
Не мать, а мачеха — Любовь:
Не ждите ни суда, ни милости.

Увозят милых корабли,
Уводит их дорога белая...
И стон стоит вдоль всей земли:
«Мой милый, что́ тебе я сделала?»

Вчера еще — в ногах лежал!
Равнял с Китайскою державою!
Враз обе рученьки разжал, —
Жизнь выпала — копейкой ржавою!

Детоубийцей на суду
Стою — немилая, несмелая.
Я и в аду тебе скажу:
«Мой милый, что́ тебе я сделала?»

Спрошу я стул, спрошу кровать:
«За что, за что терплю и бедствую?»
«Отцеловал — колесовать:
Другую целовать», — ответствуют.

Жить приучил в самом огне,
Сам бросил — в степь заледенелую!
Вот что ты, милый, сделал мне!
Мой милый, что́ тебе — я сделала?

Всё ведаю — не прекословь!
Вновь зрячая — уж не любовница!
Где отступается любовь,
Там подступает Смерть-садовница.

Само́ — что дерево трясти! —
В срок яблоко спадает спелое...
— За всё, за всё меня прости,
Мой милый, — что́ тебе я сделала!

14 июня 1920

ВОЛК

Было дружбой, стало службой.
Бог с тобою, брат мой волк!
Подыхает наша дружба:
Я тебе не дар, а долг!

Заедай верстою вёрсту,
Отсылай версту к версте!
Перегладила по шерстке, —
Стосковался по тоске!

Не взвожу тебя в злодеи, —
Не твоя вина — мой грех:
Ненасытностью своею
Перекармливаю всех!

Чем на вас с кремнем-огнивом
В лес ходить — как бог судил, —
К одному бабье ревниво:
Чтобы лап не остудил.

Удержать — перстом не двину:
Перст — не шест, а лес велик.
Уноси свои седины,
Бог с тобою, брат мой клык!

Прощевай, седая шкура!
И во сне не вспомяну!
Новая найдется дура —
Верить в волчью седину.

Октябрь 1920

МАЯКОВСКОМУ

Превыше крестов и труб,
Крещенный в огне и дыме,
Архангел-тяжелоступ—
Здорово, в веках Владимир!

Он возчик и он же конь,
Он прихоть и он же право.
Вздохнул, поплевал в ладонь:
— Держись, ломовая слава!

Певец площадных чудес —
Здорово, гордец чумазый,
Что камнем — тяжеловес
Избрал, не прельстясь алмазом.

Здорово, булыжный гром!
Зевнул, козырнул — и снова
Оглоблей гребет — крылом
Архангела ломового.

18 сентября 1921

ХВАЛА БОГАТЫМ

И засим, упредив заранее,
Что меж мной и тобою — мили!
Что себя причисляю к рвани,
Что честнó мое место в мире:

Под колесами всех излишеств:
Стол уродов, калек, горбатых...

И заснм, с колокольной крыши
Объяаляю: *люблю* богатых!

За их кореиь, гнилой и шаткий,
С колыбели растящий рану,
За растеряиииую повадку
Из кармаиа и виовь к кармаиу.

За тишайшую просьбу уст нх,
Исполияемую как окрик.
И за то, что нх в рай не впустят,
И за то, что а глаза ие смотрят.

За их тайиы — всегда с нарочиым!
За их страсти — асегда с рассыльным!
За иааязаниые им иочи
(И целуют и пьют насильно!),

И за то, что в учетах, а скуках,
В позолотах, а зеаотах, а аатах,
Вот меия, иаглеца, ие купят, —
Подтаерждаю: *люблю* богатых!

А еще, иесмотря на бритость,
Сытость, питость (моргну — и трачу!),
За какую-то — вдруг — побитость,
За какой-то нх взгляд собачий,

Сомиевающийся...
— не стержеиь
ли к иулям? Не шалят лн гирн?
И за то, что меж асех отвержеиств
Нет — такого сиротства а мире!

Есть такая дурная басня:
Как верблюды в иглу пролезли.
...За их взгляд, изумленный ́насмерть,
Извиняющийся в болезни,

Как в банкротстве... «Ссудил бы...
Рад бы —
Да...»
За тихое, с уст зажатых:
«По каратам считал, я — брат был...»
Присягаю: *люблю* богатых!

30 сентября 1922

ИЗ ЦИКЛА «ПРОВОДА»

1

Вереницею певчих свай,
Подпирающих Эмпирей,
Посылаю тебе свой пай
Праха дольнего.
По аллее
Вздохов — проволокой к столбу —
Телеграфное: лю-ю-блю...

Умоляю... (печатный бланк
Не вместит! Проводами проще!)
Это — сваи, на них Атлант
Опустил скаковую площадь
Небожителей...
Вдоль свай
Телеграфное: про-о-щай...

Слышишь? Это последннй срыв
Глотки сорванной: про-о-стите...
Это — снастн над морем ннв,
Атлантический путь тихий:
Выше, выше, — и сли-лнсь
В Ариадиило: ве-ер-иись,
Оберинсь!.. Даровых больинц
Заунывное: нé выйду!
Это — прóводами стальиых
Проводóв — голоса Аида

Удаляющиеся... Даль
Заклииающее: жа-аль...

Пожалейте! (В сем хоре — сей
Различаешь?) В предсмертном крнке
Упирающихся страстей —
Дуиовение Эвридики:

Через иасыпи — и — рвы
Эврндикиио: у-у-вы,

Не у —

17 марта 1923

2

Чтоб высказать тебе... Да пет, в ряды
И в рифмы сдавлениые... Сердце — шнре!
Боюсь, что мало для такой беды
Всего Расииа н всего Шекспнра!

«Всé плакали, и если кровь болит...
Всé плакалн, н если в розах — змен...»

Но был один — у Федры — Ипполит!
Плач Ариадны — об одном Тезее!

Терзание! Ни берегов, ни вех!
Да, ибо утверждаю, в счете сбившись,
Что я в тебе утрачиваю всех
Когда-либо и где-либо *небывших!*

Какие чаянья — когда насквозь
Тобой пропитанный — весь воздух свыкся!
Раз Наксосом мне — собственная кость!
Раз собственная кровь под кожей — Стиксом!

Тщета! во мне она! Везде! закрыв
Глаза: без дна она! без дня! И дата
Лжет календарная...
Как ты — Разрыв,
Не Ариадна я и не...
— Утрата!

О, по каким морям и городам
Тебя искать? (Незримого — незрячей!)
Я проводы вверяю проводам
И, в телеграфный столб упершись — пла́чу.

18 марта 1923

3

(ПУТИ)

Всѐ перебрав и всѐ отбросив
(В особенности — семафор!),
Дичайшей из разноголосиц
Школ, оттепелей... (целый хор

На помощь!) Рукава как стяги
Выбрасывая...
— Без стыда! —
Гудят моей высокой тяги

Лирические провода.

Столб телеграфный! Можно ль кратче
Избрать? Доколе небо есть —
Чувств непреложный передатчик,
Уст осязаемая весть...

Знай, что доколе свод небесный,
Доколе зори к рубежу —
Столь явственно и повсеместно
И длительно тебя вяжу.

Чрез лихолетие эпохи,
Лжей насыпи — из снасти в снасть —
Мои неизданные вздохи,
Моя неистовая страсть...

Вне телеграмм (простых и срочных
Штампованностей постоянств!)
Весною стоков водосточных
И проволокою пространств.

19 марта 1923

4

Не чернокнижница! В белой книге
Далей донских навострила взгляд!
Где бы ты ни был — тебя настигну,
Выстрадаю — и верну назад.

8 Заказ 849

Ибо с гордыни своей, как с кедра,
Мир озираю: плывут суда,
Зарева рыщут... Морские недра
Выворочу — и верну со дна!

Перестрадай же меня! Я всюду:
Зори и руды я, хлеб и вздох,
Есмь я и буду я, и добуду
Губы — как душу добудет бог:

Через дыхание — в час твой хриплый,
Через архангельского суда
Изгороди! — Все́ уста о шипья
Выкровяню и верну с одра!

Сдайся! Ведь это совсем не сказка!
— Сдайся! — Стрела, описавши круг
— Сдайся! — Еще ни один не спасся
От настигающего без рук:

Через дыхание... (Перси взмыли,
Веки не видят, вкруг уст — слюда...)
Как прозорливица — Самуила,
Выморочу — и вернусь одна:

Ибо другая с тобой, и в судный
День не тягаются...
                                        Вьюсь и длюсь.
Есмь я и буду я, и добуду
Душу — как губы добудет уст

Упокоительница...

25 марта 1923

5

Час, когда вверху цари
И дары друг к другу едут.
(Час, когда идут с горы:)
Горы начинают ведать.

Умыслы сгрудились в круг.
Судьбы сдвинулись: не выдать!
(Час, когда ие вижу рук.)

Души начииают видеть.

25 марта 1923

6

В час, когда мой милый брат
Миновал последний вяз
(Взмахов, выстроеииых в ряд),
Былн слезы — больше глаз.

В час, когда мой милый друг
Огибал последний мыс
(Вздохов мысленных: вернись!),
Были взмахи — больше рук.

Точно руки — вслед — от плеч!
Точно губы вслед — заклясть!
Звуки растеряла речь,
Пальцы растеряла пясть.

В час, когда мой милый гость...
— Господи, взгляни на нас! —

Были слезы больше глаз
Человеческих и звезд

Атлантических...

26 марта 1923

7

Терпеливо, как щебень бьют,
Терпеливо, как смерти ждут,
Терпеливо, как вести зреют,
Терпеливо, как месть лелеют, —

Буду ждать тебя (пальцы в жгут —
Так Монархини ждет наложник)
Терпеливо, как рифмы ждут,
Терпеливо, как руки гложут,

Буду ждать тебя (в землю — взгляд,
Зубы в губы. Столбняк. Булыжник.)
Терпеливо, как негу длят,
Терпеливо, как бисер нижут.

Скрип полозьев, ответный скрип
Двери: рокот ветров таежных.
Высочайший пришел рескрипт:
— Смена царства и въезд вельможе.

И домой:
В неземной —
Да мой.

27 марта 1923

ПОЭТ

1

Поэт — нздалека заводнт речь.
Поэта далеко заводит речь.

Плаиетами, прнметами... окольных
Прнтч рытвииамн... Между *да* н *нет*
Ои — даже размахнувшнсь с колькольни —
Крюк выморочнт... Ибо путь комет —

Поэтов путь. Развеянные звеиья
Прнчнnности — вот связь его! Кверх лбом —
Отчаетесь! Позтовы затменья
Не предугаданы календарем.

Он тот, кто смешнвает карты,
Обмаиывает вес и счет,
Ои тот, кто *спрашивает* с парты,
Кто Канта наголову бьет,

Кто в камеином гробу Бастнлнй —
Как дерево в своей красе.
Тот, чьи следы — всегда простылн,
Тот поезд, иа который все
Опаздывают...
— нбо путь комет —

Поэтов путь: жжа, а не согревая,
Рвя, а не взращнвая, — взрыв н взлом —
Твоя стезя, грнвастая крнвая,
Не предугадана калеидарем!

8 апреля 1923

2

Есть в мире лишние, добавочные,
Не вписанные в окоем.
(Не числящимся в ваших справочниках,
Им свалочная яма — дом.)

Есть в мире полые, затолканные,
Немотствующие: навоз,
Гвоздь — вашему подолу шелковому!
Грязь брезгует из-под колес!

Есть в мире мнимые, невидимые:
(Знак: лепрозариумов крап!),
Есть в мире Иовы, что Иову
Завидовали бы — когда б:

Поэты мы — и в рифму с париями,
Но, выступив из берегов,
Мы бога у богинь оспариваем
И девственницу у богов!

22 апреля 1923

3

Чтó же мне делать, слепцу и пасынку,
В мире, где каждый и отч и зряч,
Где по анафемам, как по насыпям —
Страсти! где насморком
Назван — плач!

Чтó же мне делать, ребром и промыслом
Певчей! — как провод! загар! Сибирь!
По наважденьям своим — как пó мосту!
С их невесомостью
В мире гирь.

Чтó же мне делать, певцу и первенцу,
В мире, где наичернейший — сер!
Где вдохновенье хранят, как в термосе!
С этой безмерностью
В мире мер?!

22 апреля 1923

ДИАЛОГ ГАМЛЕТА С СОВЕСТЬЮ

— На дне она, где ил
И водоросли... Спать в них
Ушла, — но сна и там нет!
— Но я ее любил,
Как сорок тысяч братьев
Любить не могут!
— Гамлет!
На дне она, где ил:
Ил!.. И последний венчик
Всплыл на приречных бревнах...
— Но я ее любил,
Как сорок тысяч...
— Меньше
Всё ж, чем один любовник.
На дне она, где ил.
— Но я ее —
любил??

5 июня 1923

ЗАНАВЕС

Водопадами занавеса, как пеной —
Хвоей — пламенам — прошумя.
Нету тайны у занавеса — от сцены.
(Сцена — ты, занавес — я.)

Сновиденными зарослями (в высоком
Зале — оторопь разлилась)
Я скрываю героя в борьбе с Роком,
Место действия — и — час.

Водопадными радугами, обвалом
Лавра (ввернлся же! знал!)
Я тебя загоражнваю от зала,
(Завораживаю — зал!)

Тайна занавеса! Сновнденным лесом
Сонных снадобий, трав, зёрн...
(За уже содрогающейся завесой
Ход трагедии — как — шторм!)

Ложи, в слезы! В набат, ярус!
Срок, исполнься! Герой, будь!
Ходит занавес — как парус,
Ходнт занавес — как — грудь.

Из последнего сердца тебя, о недра,
Загораживаю. — Взрыв!
Над ужá-ленною — Федрой
Взвнлся занавес — как — гриф.

Нате! Рвнте! Глядите! Течет, не так лн?
Заготáвливайте — чан!

Я державную рану отдам до каплн!
(Зрнтель бел, занавес рдян.)

И тогда — сострадательным покрывалом —
Дóлу, знаменем прошумя.
Нету тайны у занавеса — от зала.
(Зала — жнзнь, занавес — я.)
23 июня 1923

ПОПЫТКА РЕВНОСТИ

Как жнвется вам с другою, —
Проще ведь? — Удар весла! —
Линней береговою
Скоро ль память отошла

Обо мне, плавучем острове
(По небу — не по водам)!
Душн, души! — быть вам сестрамн,
Не любовннцамн — вам!

Как живется вам с *простою*
Женщиною? *Без* божеств?
Государыню с престола
Свергши (с оного сошед),

Как жнвется вам — хлопочется —
Ежнтся? Встается — как?
С пошлнной бессмертной пошлостн
Как справляетесь, бедняк?

«Судорог да перебоев —
Хватит! Дом себе найму».

Как живется вам с любою —
Избраниому моему!

Свойственнее и съедобнее —
Снедь? Приестся — не пеняй...
Как живется вам с подобием —
Вам, поправшему Синай!

Как живется вам с чужою,
Здешнею? Ребром — люба?
Стыд Зевесовой вожжою
Не охлёстывает лба?

Как живется вам — здоровится —
Можется? Поется — как?
С язвою бессмертной совести
Как справляетесь, бедняк?

Как живется вам с товаром
Рыночным? Оброк — крутой
После мраморов Каррары
Как живется вам с трухой

Гипсовой (Из глыбы высечен
Бог — и на́чисто разбит!)
Как живется вам с сто-тысячной —
Вам, познавшему Лилит!

Рыночною новизною
Сыты ли? К волшбам остыв,
Как живется вам с земною
Женщиною, *бе́з* шестых

Чувств?..
        Ну, за́ голову: счастливы?

Нет? В провале без глубин —
Как живется, милый? Тяжче ли,
Так же ли, как мне с другим?

19 ноября 1924

ПОЛОТЁРСКАЯ

Колотёры — молотёры,
Полотёры — полодёры,
Кумашный стан,
Бахромчатый штан.

Что Степан у вас, что Осип —
Ни приметы, ни следа.
— Нас нелегкая приносит,
Полотеров, завсегда.

Без вины навязчивые,
Мы полы вавощиваем,
По паркетам взъахивая,
Мы молей вымахиваем.

Кулик краснопер,
Пляши, полотер!

Колотилы-громыхалы,
Нам всё комнаты тесны.
Кольцо бабкино пропало —
Полотеры унесли.

Нажариваем.
Накаливаем.

...Пошариваем!
...Пошаливаем!

С полотеров взятки гладки:
Катай вдоль да поперек!
Как подкатимся вприсядку:
«Пожалуйте на чаек!»

Не мастикой ясеневы
Вам полы намасливаем,
По́том-кровью ясеневы
Вам полыналасниваем:

Вощи до-бела́!
Трещи, мебеля!

Тише сажи, мягче замши...
Полотеров взявши в дом —
Плачь! Того гляди, плясамши,
Нос богине отобьем.

Та богиня — мраморная,
Нарядить — от Ламановой,
Не гляди, что мраморная, —
Всем бока наламываем!

Гол, бос.
Чтоб жглось!

Полотерско дело вредно:
Пляши, в пот себя вогнав!
Оттого и ликом бледны,
Что вся кровь у нас в ногах.

Ногой пишем,
Ногой пашем.
Кто повыше —
Тому пляшем.

О пяти корявых пальцах —
Как и барская нога!
Из прихожей — через зальце —
Вот и вся вам недолга!

Знай откалывай
До кола́ в груди!
...Шестипалого
Полотера жди.

Нам балы давать не внове!
Двери — все́ ли на ключе?
А кумач затем — что крови
Не видать на кумаче!

Нашей ли, вашей ли —
Ляжь да не спрашивай.

Как господско дело — грязью
Следить, лоску не жалеть —
Полотерско дело — мазью
Те следочки затереть.

А уж мазь хороша!
— Занялась пороша! —

Половдёры-полодралы,
Полотеры-пролетялы,

Разлет-штаны,
Паны — шаркуны.

Из перинки прасоловой
Не клопов вытрясываем,
По паркетам взгаркивая —
Мы господ вышаркиваем!

Страсть-дела,
Жар-дела,
Красная гвардия!

Поспешайте, сержанты резвые!
Полотеры купца зарезали.

Получайте, чего не грезили:
Полотеры купца заездили.

18 декабря 1924

* * *

Б. Пастернаку

Рас-стояние: версты, мили...
Нас рас-ставили, рас-садили,
Чтобы тихо себя вели
По двум разным концам земли.

Рас-стояние: версты, дали...
Нас расклеили, распаяли,
В две руки развели, распаяв,
И не знали, что это — сплав

Вдохновеиий и сухожилий...
Не рассо́рили — рассори́ли,
Расслоили...
Стена да ров.
Расселили нас, как орлов-

Заговорщиков: версты, дали...
Не расстроили — растеряли.
По трущобам земиых широт
Рассовали нас, как сирот.

Который уж, иу который — март?!
Разбили нас — как колоду карт!

24 марта 1925

* * *

Русской ржи от меия поклои,
Ниве, где баба застится.
Друг! Дожди за моим окном,
Беды и блажи на́ сердце...

Ты, в погудке дождей и бед,
То ж, что Гомер — в гекзаметре.
Дай мие руку — на весь тот свет!
Здесь — мои обе заияты.

7 мая 1925
Вшеноры

ОДА ПЕШЕМУ ХОДУ

1

В век сплошных скоропадских,
Роковых скоростей —
Слава стойкому братству
Пешехожих ступней!

Всѐутёсно, всѐрощно,
Прямиком, без дорог,
Обивающих мощно
Лишь природы — порог,

Дерзко попранный веком.
(В век турбин и динам
Только жить, что калекам!)
...Но и мстящей же вам

За рекламные клейма
На вскормившую грудь.
— Нет, безногое племя,
Даль — ногами добудь!

Слава толстым подметкам,
Сапогам на гвоздях,
Ходокам, скороходкам —
Божествам в сапогах!

Если есть в мире — ода
Богу сил, богу гор —
Это взгляд пешехода
На застрявший мотор.

Сей ухмыл в пол-аршина,
Просто — шире лица:
Пешехода на шину
Взгляд (что лопается!).

Поглядите на чванством
Распираемый торс!
Паразиты пространства,
Алкоголики верст —

Что сквозь пыльную тучу
Рукоплещущих толп
Расшибаются.
— Случай?
— Дури собственной — столб.

2

Вот он, грузов наспинных
Бич, мечтателей меч!
Красоту — как насильник,
С ног сшибающий: лечь!

Не ответит и ляжет —
Как могила — как пласт, —
Но лица не покажет
И души не отдаст...

Ничего не отдаст вам
Ни апрель, ни июль, —
О безглазый, очкастый
Лакированный нуль!

Между Зюйдом и Нордом —
Поставщик суеты!

Ваши форды (рекорды
Быстроты: пустоты),

Ваши рольсы и ройсы —
Змея ветхая лесть!
Сыне! Господа бойся,
Ноги давшего — бресть.

Драгоценные куклы
С Оперá и Мадлэн,
Вам бы тихие туфли
Мертвецовы — взамен

Лакированиых лодок,
О, холодная ложь
Манекенных колодок,
Неступивших подошв!

Слава господу в небе —
Богу сил, богу царств —
За гранит и за щебень,
И за шпат и за кварц,

Чистоганную сдачу
Под копытом — кремня...
И за то, что — *ходячим*
Чудом — создал меня!

3

Дармоедством пресытясь,
С шины — спешится внук.
Пешеходы! Держитесь —
Ног, как праотцы — рук.

Где предел для резины —
Там простор для ноги.
Не хватает бензину?
Вздоху — хватит в груди!

Как поток жаждет прага,
Так восторг жаждет — трат.
Ничему, кроме шага,
Не учите ребят!

По ручьям, по моренам,
Дальше — нет! дальше — стой!
Чтобы Альпы — коленом
Знал, саванны — ступней.

Я костьми, други, лягу —
За *раскрытие* школ!
Чтоб от первого шага
До последнего — шел

Внук мой! отпрыск мой! мускул —
Посрамивший Аид!
Чтобы в царстве моллюсков —
На своих-на двоих!

26 августа 1931
Медон

СТИХИ К СЫНУ

1

Ни к городу и ни к селу —
Езжай, мой сын, в свою страну, —
В край — всем краям наоборот! —
Куда *назад* идти — *вперед*
Идти, особенно — тебе,
Руси не видывавшее

Дитя мое... Мое? *Ее* —
Дитя! То самое быльё,
Которым порастает быль.
Землицу, стершуюся в пыль, —
Ужель ребенку в колыбель
Нести в трясущихся горстях:
— «Русь — этот прах, чти — этот прах!»

От неиспытанных утрат —
Иди — куда глаза глядят!
Всех стран — глаза, со всей земли —
Глаза — и синие твои
Глаза, в которые гляжусь:
В глаза, глядящие на Русь.

Да не поклонимся словам!
Русь — прадедам, Россия — нам,
Вам — просветители пещер —
Призывное: СССР, —
Не менее во тьме небес
Призывное, чем: SOS,

Нас родина не позовет!
Езжай, мой сын, домой — вперед —
В *свой* край, в *свой* век, в *свой* час, —
от нас —

В Россию — вас, в Россию — масс,
В *наш*-час — страну! в *сей*-час — страну!
В на-Марс — страну! в без-нас — страну!

Январь 1932
Медон

2

Наша совесть — не ваша совесть!
— Полно! — Вольно! — О всем забыв,
Дети, сами пишите повесть
Дней своих и страстей своих.

Соляное семейство Лота —
Вот семейственный ваш альбом!
Дети! Сами сводите счеты
С выдаваемым за Содом —

Градом. С братом своим не дравшись —
Дело чисто твое, кудряш!
Ваш край, *ваш* век, *ваш* день, *ваш* час,
Наш грех, *наш* крест, *наш* спор, *наш* —

Гнев. В сиротские пелеринки
Облаченные отродясь —
Перестаньте справлять поминки
По Эдему, в котором вас

Не было! по плодам — и видом
Не видали! Поймите: слеп —
Вас ведущий на панихиду
По народу, который хлеб

Ест, н ва́м его не даст, — как скоро
Из Медона — да на Кубань.
Наша ссора — не ваша ссора!
Дети! Сами творите брань

Дней своих.

Январь 1932
Медон

3

Не быть тебе нулем
Из молодых — да вредным!
Ни медным королем,
Ни по́просту — спортсмедным

Лбом, ни слепцом путей,
Коптителем кают,
Ни парой челюстей,
Которые жуют, —

В *сем* полагая цель.
— Ибо в любую щель —
Я — с моим ветром буйным!
Не быть тебе буржуем.

Ни галльским петухом,
Хвост заложившим в банке,
Ни томным женихом
Седой американки, —

Нет, ни одним из тех,
Дописанных, как лист,

Которым — только смех
Остался, только свист

Достался от отцов!
С *той* стороны весов
Я — с черноземным грузом!
Не быть тебе французом.

Но также — ни одним
Из нас — досадных внукам!
Кем будешь — бог один...
Не будешь кем — порукой —

Я, что в тебя — всю Русь
Вкачала — как насосом!
Бог видит — побожусь! —
Не будешь ты отбросом

Страны своей.

22 января 1932
Медон

СТОЛ

1

Мой письменный верный стол!
Спасибо за то, что шел
Со мною по всем путям.
Меня охранял — как шрам.

Мой письменный вьючный мул!
Спасибо, что ног не гнул

Под ношей, поклажу грёз —
Спасибо — что иес и нес.

Строжайшее из зерцал!
Спасибо за то, что стал
(Соблазнам мирским порог)
Всем радостям поперек.

Всем низостям — иаотрез!
Дубовый противовес
Льву ненависти, слоиу
Обиды — всему, всему.

Мой за́живо смертиый тёс!
Спасибо, что рос и рос
Со миою по мере дел
Настольиых — большал, ширел,

Так ширился, до широт —
Таких, что раскрывши рот,
Схватясь за столовый каит...
— Меия заливал, как штранд!

К себе пригвоздив чуть свет —
Спасибо за то, что — вслед
Срывался! На всех путях
Меия иастигал, как шах —

Бегляику.
— Назад, иа стул!
Спасибо за то, что блюл
И гиул. У невечиых благ
Меня отбивал — как маг —

Сомнамбулу.
                Битв рубцы
Стол, выстроивший в столбцы
Горящие: жил багрец!
Деяний моих столбец!

Столп столпника, уст затвор —
Ты был мне престол, простор —
Тем был мне, что морю толп
Еврейских — горящий столп!

Так будь же благословен —
Лбом, ло́ктем, узлом колен
Испытанным, — как пила
В грудь въевшийся — край стола!

Июль 1933

2

Тридцатая годовщина
Союза — верней любви.
Я знаю твои морщины,
Как знаешь и ты — мои,

Которых — не ты ли — автор?
Съедавший за дестью десть,
Учивший, что нету — завтра,
Что только сегодня — есть.

И деньги, и письма с почты —
Стол — сбрасывавший — в поток!
Твердивший, что каждой строчки
Сегодня — последний срок.

Грозивший, что счетом ложек
Создателю не воздашь,
Что завтра меня положат —
Дури́щу — да на тебя ж!

3

Тридцатая годовщина
Союза — держись, злецы!
Я знаю твои морщины,
Изъяны, рубцы, зубцы —

Малейшую из зазубрин!
(*Зубами* — коль стих не шел!)
Да, был человек возлюблен!
И сей человек был — стол

Сосновый. Не мне на всхолмье
Березу берег карел!
Порой еще с слезкой смольной,
Но вдруг — через ночь — старел,

Разу́мнел — так школьник дерзость
Сдает под мужской нажим.
Сажусь — еле доску держит,
Побьюсь — точно век дружи́м!

Ты — стоя, в упор, я — спину
Согнувши — пиши! пиши! —
Которую десятину
Вспахали, версту — прошли,

Покрыли: письмом — красивей
Не сыщешь в державе всей!

Не меньше, чем пол-России
Покрыто рукою сей!

Сосновый, дубовый, в лаке
Грошовом, с кольцом в ноздрях,
Садовый, столовый — всякий,
Лишь бы́ не на трех ногах!

Как трех Самозванцев в браке
Признавшая тезка — *тот*!
Бильярдный, базарный — всякий —
Лишь бы́ не сдавал высот

Заветных. Когда ж подастся
Железный — под локтевым
Напором, столов — богатство!
Вот пень: не обнять двоим!

А паперть? А край колодца?
А старой могилы — пласт?
Лишь только мои б два локтя
Всегда утверждали: — *даст*

Бог! *Есть* бог! Поэт — устойчив:
Всё — стол ему, всё — престол!
Но лучше всего, всех стойче —
Ты — мой наколенный стол!

Около 15 июля 1933 —
29—30 октября 1935

4

Обидел и обошел?
Спасибо за то, что — стол

Дал, стойкий, врагам иа страх —
Стол — иа четырех иогах

Упорства. Скорей — скалу
Своротишь! И лоб — к столу
Подстатиый, и локоть *под* —
Чтоб лоб свой держать, как свод.

— А прочего дал в обрез?
А прочиый, — во весь мой *вес*,
Просториый, — во весь мой бег,
Стол — вечиый — иа весь мой век!

Спасибо тебе, Столяр,
За до́ску — во весь мой дар,
За ножки — прочией химер
Парижских, за вещь — в размер.

5

Мой письмеииый вериый стол!
Спасибо за то, что ствол
Отдав мне, чтоб стать — столом,
Остался — живым стволом!

С листвы молодой игрой
Над бровью, с живой корой,
С слезами *живой* смолы,
С корнями до диа земли!

17 июля 1933

6

Квиты: вами я объедена,
Мною — живописаны.
Вас положат — на обеденный,
А меня — на письменный.

Оттого что, йотой счастлива,
Яств иных не ведала.
Оттого что слишком часто вы,
Долго вы обедали.

Всяк на выбранном заранее —
Много до рождения! —
Месте своего деяния,
Своего радения:

Вы — с отрыжками, я — с книжками,
С трюфелем, я — с грифелем,
Вы — с оливками, я — с рифмами,
С пикулем, я — с дактилем.

В головах — свечами смертными —
Спаржа толстоногая.
Полосатая десертная
Скатерть вам — дорогою!

Табачку пыхнём гаванского
Слева вам — и справа вам.
Полотняная голландская
Скатерть вам — да саваном!

А чтоб скатертью не тратиться —
В яму, место низкое.

Вытряхнут вас всех со скатерти:
С крошками, с огрызками.

Каплуно́м-то вместо голубя
— Порх! — душа — при вскрытии.
А меня положат — голую:
Два крыла прикрытием.

1933

* * *

Рябииу
Рубили
Зорькою.
Рябииа —
Судьбииа
Горькая.
Рябина —
Седыми
Спусками...
Рябина!
Судьбииа
Русская.

1934

САД

За этот ад,
За этот бред,
Пошли мне сад
На старость лет.

На старость лет,
На старость бед:
Рабочих — лет,
Горбатых — лет...

На старость лет
Собачьих — клад:
Горячих лет —
Прохладный сад...

Для беглеца
Мне сад пошли:
Без ни — лица,
Без ни — души!

Сад: ни шажка!
Сад: ии глазка!
Сад: нн смешка!
Сад: ни свистка!

Без ни-ушка
Мне сад пошли:
Без *ни-душкá!*
Без ни-души!

Скажи: довольио мýки — иá
Сад — одинокий, как сама.

(Но около и Сам не стань!)
Сад, одинокий, как я сам.

Такой мне сад на старость лет...
— Тот сад? А может быть — тот свет? —
На старость лет моих пошли —
На отпущение души.

Ванв, 1 октября 1934

НАДГРОБИЕ

1

«Иду на несколько минут...»
В работе (хаосом зовут
Бездельники) оставив стол,
Оставив стул — куда ушел?

Опрашиваю весь Париж.
Ведь в сказках лишь, да в красках лишь
Возносятся на небеса!
Твоя душа — куда ушла?

В шкафу — двустворчатом как храм —
Гляди: все книги по местам,
В строке — все буквы налицо.
Твое лицо — куда ушло?

Твое лицо,
Твое тепло,
Твое плечо —
Куда ушло?
3 января 1935

2

Напрасно глазом — как гвоздем,
Проиизываю чериозем:
В сознании — верней гвоздя:
Здесь иет тебя — и нет тебя.

Напрасно в ока оборот
Обшариваю иебосвод:
— Дождь! дождевой воды бадья.
Там нет тебя — и иет тебя.

Нет, иикоторое из двух:
Кость слишком — кость, дух слишком — дух.
Где — ты? где — тот? где — сам? где — весь?
Там — слишком там, здесь — слишком здесь.

Не подмеию тебя песком
И пáром. Взявшего — родством
За труп и призрак ие отдам.
Здесь — слишком здесь, там — слишком там.

Не ты — ие ты — ие ты — не ты.
Чтó бы ии пели иам попы,
Что смерть есть жизиь и жизнь есть смерть —
Бог — слишком бог, червь — слишком червь.

На труп и призрак — неделим!
Не отдадим тебя за дым
Кадил,
Цветы
Могил.

И если где-нибудь ты *есть* —
Так — в нас. И лучшая вам честь,
Ушедшие — презреть раскол:
Совсем ушел. Со *всем* — ушел.

5—7 января 1935

3

За то, что некогда юн и смел,
Не дал мне заживо сгнить меж тел
Бездушных, замертво пасть меж стен —
Не дам тебе — умереть совсем!

За то, что за руку, свеж и чист,
На волю вывел, весенний лист —
Вязанками приносил мне в дом! —
Не дам тебе — порасти быльем!

За то, что первых моих седин
Сыновьей гордостью встретил — чин,
Ребячьей радостью встретил — страх —
Не дам тебе — поседеть в сердцах!

7—8 января 1935

4

Удар, заглушенный годамн забвенья,
Годамн незнанья.
Удар, доходящий — как женское пенье,
Как конское ржаиье.

Как страстное пенье сквозь косное зданье
Удар — доходящнй.
Удар, заглушеиный забвенья, незнанья
Беззвучною чащей.

Грех памятн нашей — безглазой, безгубой,
Безмясой, безносой!
Всех дней друг без друга, ночей друг без друга
Землею наносной

Удар — заглушениый, замшённый — как тиной.
Так плющ сердцевнну
Съедает н жнзнь обращает в рунну...
— Как нож сквозь пернну!

...Окоиною ватой, набившейся в ушн.
И той, заоконной:
Снегами — годамн — пудами бездушья
Удар — заглушенный...

Между 26 января и 8 февраля 1935
Ванв

5

Оползающая глыба —
Из последних сил спасибо
— Рвущееся — умолчу —
Дуба юному плечу.

Издыхающая рыба,
Из последних сил спасибо
Близящемуся — прости!
Силящемуся — спасти
Валу первому прилива.

Иссыхающая нива —
Божескому, нелюдску́
Бури чудному персту.

Как добры — в час без спасенья —
Силы первые — к последним!

Пока рот не пересох —
Спаси — боги! Спаси — бог!

Лето 1929

ЧИТАТЕЛИ ГАЗЕТ

Ползет подземный змей,
Ползет, везет людей.
И каждый — со своей
Газетой (со своей

Экземой!) Жвачиый тик,
Газетный костоед.
Жеватели мастик,
Читатели газет.

Кто — чтец? Старик? Атлет?
Солдат? — Ни чéрт, ии лиц,
Ни лет. Скелет — раз иет
Лица: газетиый лист!

Которым — весь Париж
С лба до пупа одет.
Брось, девушка!
Родишь —
Читателя газет.

Кача — «живет с сестрой» —
ются — «убил отца!» —
Качаются — тщетой
Накачиваются.

Что́ для таких господ —
Закат или рассвет?
Глотатели пустот,
Читатели газет!

Газет — читай: клевет,
Газет — читай: растрат,
Что́ ии столбец — иавет,
Что́ ии абзац — отврат...

О, с чем иа Страшиый суд
Предстаиете: иа свет!
Хвататели мииут,
Читатели газет!

— Пошел! Пропал! Исчез!
Стар материнский страх.
Мать! Гуттенбергов *пресс*
Страшней, чем Шварцев *прах!*

Уж лучше на погост, —
Чем в гнойный лазарет
Чесателей корост,
Читателей газет!

Кто наших сыновей
Гноит во цвете лет,
Смесители кровéй,
Писатели газет!

Вот, други, — и куда
Сильней, чем в сих строках! —
Чтó думаю, когда
С рукописью в руках

Стою перед лицом
— Пустее места — нет! —
Так значит — *нелицом*
Редактора газет-

ной нечисти.

1—15 ноября 1935
Ванв

СТИХИ К ЧЕХИИ

СЕНТЯБРЬ

1

Полои и простореи
Край. Одно лишь горе:
Нет у чехов — моря.
Стало чехам — море

Слёз: не надо соли!
Запаслись на годы!
Триста лет неволи,
Двадцать лет свободы.

Не бездельной, птичьей —
Божьей, человечьей.
Двадцать лет величья,
Двадцать лет наречий

Всех — иа мирном поле
Одного иарода.
Триста лет иеволи,
Двадцать лет свободы —

Всем. Огня и дома —
Всем. Игры́, науки —
Всем. Труда — любому —
Лишь бы были руки.

На́ поле и в школе —
Глянь — какие всходы!

Триста лет неволи,
Двадцать лет свободы.

Подтвердите ж, гости
Чешские, все вместе:
Сеялось — всей горстью,
Строилось — всей честью.

Два десятилетья
(Да и то не целых!)
Как нигде на свете
Думалось и пелось.

Посерев от боли,
Стонут Влтавы воды:
— Триста лет неволи,
Двадцать лет свободы.

На орлиных скáлах
Как орел рассевшись —
Что с тобою сталось,
Край мой, рай мой чешский?

Горы — откололи,
Оттянули — воды...
...Триста лет неволи,
Двадцать лет свободы.

В селах — счастье ткалось
Красным, синим, пестрым.
Что с тобою сталось,
Чешский лев двухвостый?

Лисы побороли
Леса воеводу!

Трнста лет неволи,
Двадцать лет свободы!

Слушай каждым древом,
Лес, и слушай, Влтава!
Лев рифмует с гневом,
Ну, а Влтава — слава.

Лишь на час — не боле —
Вся твоя невзгода!
Через ночь неволн —
Белый день свободы!

12 ноября 1938

2

Горы — турам поприще!
Черные леса,
Долы в воды смотрятся,
Горы — в небеса.

Край всего свободнее
И щедрей всего.
Этн горы — роднна
Сына моего.

Долы — ланям пастбнще,
Не смутнть зверья —
Хата крышей за́стится,
А в лесу — ружья —

Сколько бы ни пройдено
Верст — ни одного.

Эти долы — родина
Сына моего.

Там растила сына я,
И текли — вода?
Дни? или гусиные
Белые стада?

...Празднует смородина
Лета рождество.
Эти хаты — родина
Сына моего.

Было то рождение
В мир — рожденьем в рай.
Бог, создав Богемию,
Молвил: «Славный край!

Все дары природные,
Все — до одного!
Пощедрее родины
Сына — моего!»

Чешское подземие:
Брак ручьев и руд!
Бог, создав Богемию,
Молвил: «Добрый труд!»

Всё было — безродного
Лишь — ни одного
Нé было — на родине
Сына моего.

Прóкляты — кто заняли
Тот смиренный рай

С зайцами и с ланями,
С перьями фазаньими...

Тре́кляты — кто продали —
Ввек не прощены! —
Вековую родину
Всех — кто без страны!

Край мой, край мой, проданный
Весь, живьем, с зверьем,
С чудо-огородами,
С горными породами,

С целыми народами,
В поле, без жилья,
Стонущими:
— Родина!
Родина моя!

Богова! Богемия!
Не лежи, как пласт!
Бог давал обеими —
И опять подаст!

В клятве — руку подняли
Все твои сыны —
Умереть за родину
Всех — кто без страны!

Между 12 и 19 ноября 1938

3

Есть на карте — место:
Взглянешь — кровь в лицо!
Бьется в му́ке крестной
Каждое сельцо.

Поделил — секирой
Пограничный шест.
Есть на теле мира
Язва: всё проест!

От крыльца — до статных
Гор — до орльих гнезд —
В тысячи квадратных
Невозвратных верст —

Язва.
        Лег на отдых —
Чех: живым зарыт.
Есть в груди народов
Рана: *наш* убит!

Только край тот назван
Братский — дождь из глаз!
Жир, аферу праздну́й!
Славно удалась.

Жир, Иуду — чествуй!
Мы ж — в ком сердце — есть:
Есть на карте место
Пусто: наша честь.

19—22 ноября 1938

4

ОДИН ОФИЦЕР

В Судетах, на лесной чешской границе, офицер с 20-тью солдатами, оставив солдат в лесу, вышел на дорогу и стал стрелять в подходящих немцев. Конец его неизвестен.

(Из сентябрьских газет 1938 г.)

Чешский лесок —
Самый лесной.
Год — девятьсот
Тридцать восьмой.

День и месяц? — вершины, эхом:
— День, как немцы входили к чехам!

Лес — красноват,
День — сине-сер.
Двадцать солдат,
Один офицер.

Крутолобый и круглолицый
Офицер стережет границу.

Лес мой, кругом,
Куст мой, кругом,
Дом мой, кругом,
Мой — этот дом.

Леса не сдам,
Дома не сдам,
Края не сдам, —
Пяди не сдам!

Лиственный мрак.
Сердца испуг:
Прусский ли шаг?
Сердца ли стук?

Лес мой, прощай!
Век мой, прощай!
Край мой, прощай!
Мой — этот край!

Пусть целый край
К вражьим ногам!
Я — под ногой —
Камня не сдам!

Топот сапог.
— Немцы! — листок.
Грохот желёз.
— Немцы! — весь лес.

— Немцы! — раскат
Гор и пещер.
Бросил солдат
Один — офицер.

Из лесочку — живым манером
На громаду — да с револьвером!

Выстрела треск.
Треснул — весь лес!
Лес: рукоплёск!
Весь — рукоплёск!

Пока пулями в немца хлещет —
Целый лес ему рукоплещет!

Кленом, сосной,
Хвоей, листвой,
Всею сплошной
Чащей лесной —

Понесена
Добрая весть,
Что — спасена
Чешская честь!

Значит — страна
Так не сдана,
Значит — война
Всё же — *была!*

— Край мой, виват!
— Выкуси, герр!
...Двадцать солдат.
Один офицер.

Октябрь 1938 — 17 апреля 1939

МАРТ

(КОЛЫБЕЛЬНАЯ)

1

В о́ны дни певала дрёма
По всем селам-деревням:
— Спи, младенец! Не то злому
Псу-татарину отдам!

Ночью черной, ночью лунной —
По Тюрингии холмам:
— Спи, германец! Не то гунну
Кривоногому отдам!

Днесь — по всей стране богемской
Да по всем ее углам:
— Спи, богемец! Не то немцу:
Пану Гитлеру отдам!

28 марта 1939

2

ПЕПЕЛИЩЕ

Налетевший на град Вацлáва —
Так пожар пожирает трáву...

Поигравший с богемской гранью! —
Так зола засыпает зданья,

Так метель заметает вехи...
От Эдема — скажите, чехи! —

Чтó осталося? — Пепелище.
Так Чума веселит кладбище!

Налетевший на град Вацлáва —
Так пожар пожирает трáву.

Объявивший — последний срок нам:
Так вода подступает к окнам.

Так зола засыпает зданья...
Над мостами и площадями

Плачет, плачет двухвостый львище...
Так Чума веселит кладбище!

Налетевший на град Вацла́ва —
Так пожар пожирает тра́ву.

Задушивший без содроганья —
Так зола засыпает зданья:

— Отзовитесь, живые души!
Стала Прага — Помпеи глуше:

Шага, звука — напрасно ищем...
Так Чума веселит кладбище!

29—30 марта 1939

3

БАРАБАН

По богемским городам
Что́ бормочет барабан?
— Сдан — сдан — сдан
Край — без славы, край — без бою.
Лбы — под серою золою
Дум — дум — дум...
— Бум!
Бум!
Бум!

По богемским городам —
Или то не барабан
(Горы ропщут? Камни шепчут?),
А в сердцах смиренных чешских —
Гне-ва
Гром:
— Где
Мой
Дом?

По усопшим городам
Возвещает барабан:
— Вран! Вран! Вран
Завелся в Градчанском замке!
В ледяном окне — как в рамке
(Бум! бум! бум!)
Гунн!
Гунн!
Гунн!

30 марта 1939

4

ГЕРМАНИИ

О, дева всех румянее
Среди зеленых гор —
Германия!
Германия!
Германия!
Позор!

Полкарты прикарманила,
Астральная душа!

Встарь — сказками туманила,
Днесь — танками пошла.

Пред чешскою крестьянкою —
Не опускаешь вежд,
Прокатываясь танками
По ржи ее надежд?

Пред горестью безмерною
Сей *маленькой* страны,
Что́ чувствуете, Германы:
Германии сыны??

О мания! О мумия
Величия!
Сгоришь,
Германия!
Безумие,
Безумие
Творишь!

С объятьями удавьими
Расправится силач!
За здравие, Моравия!
Словакия, *словачь!*

В хрустальное подземие
Уйдя — готовь удар:
Богемия!
Богемия!
Богемия!
Наздар!

9—10 апреля 1939

5

МАРТ

Атлас — что колода карт:
В лоск перетасован!
Поздравляет — каждый март:
— С краем, с паем с новым!

Тяжек мартовский оброк:
Зе́мли — цепи горны —
Ну и карточный игрок!
Ну и стол игорный!

Полны́ руки козырей:
В ордена одетых
Безголовых королей,
Продувных — *валетов*.

«Мне и кости, мне и жир!»
Так играют — тигры.
Будет помнить — целый мир
Мартовские игры.

В свои козыри — игра
С картой европейской.
(Чтоб Градчанская гора —
Да скалой Тарпейской!)

Злое дело не нашло
Пули: дули пражской.
Прага — что! и Вена — что!
На Москву — отважься!

Отольются — чешский дождь,
Пражская обида.
— Вспомни, вспомни, вспомни, вождь, —
Мартовские Иды!

22 апреля 1939

6

ВЗЯЛИ...

Чехи подходили к немцам и плевали.
(См. мартовские газеты 1939 г.)

Брали — скоро и брали — щедро:
Взяли горы и взяли недра,
Взяли уголь и взяли сталь,
И свинец у нас, и хрусталь.

Взяли сахар и взяли клевер,
Взяли Запад и взяли Север,
Взяли улей и взяли стог,
Взяли Юг у нас и Восток.

Вары — взяли и Татры — взяли,
Взяли близи и взяли дали,
Но — больнее, чем рай земной! —
Битву взяли — за край родной.

Взяли пули и взяли ружья,
Взяли руды и взяли дружбы...
Но покамест во рту слюна —
Вся страна вооружена!

9 мая 1939

7

ЛЕС

Видел, как рубят? Руб —
Рубом! — за дубом — дуб.
Только убит — воскрес!
Не погибает — лес.

Так же, как мертвый лес
Зелен — минуту чрез! —
(Мох — что зеленый мех!),
Не погибает — чех.

9 мая 1939

8

О, слезы на глазах!
Плач гнева и любви!
О, Чехия в слезах!
Испания в крови!

О черная гора,
Затмившая — весь свет!
Пора — пора — пора
Творцу вернуть билет.

Отказываюсь — быть.
В Бедламе нелюдей
Отказываюсь — жить.
С волками площадей

Отказываюсь — выть.
С акулами равнин

Отказываюсь плыть —
Вниз — по теченью спин.

Не надо мне ни дыр
Ушных, ни вещих глаз.
На твой безумный мир
Ответ один — отказ.

15 марта — 11 мая 1939

9

Не бесы — за иноком,
Не горе — за гением,
Не горной лавины ком,
Не вал наводнения, —

Не красный пожар лесной,
Не заяц — по зарослям,
Не ветлы — под бурею, —
За фюрером — фурии!

15 мая 1939

10

НАРОД

Его и пуля не берет,
И песня не берет!
Так и стою, раскрывши рот:
— Народ! Какой народ!

Народ — такой, что и поэт —
Глашатай всех широт, —
Что и поэт, раскрывши рот,
Стоит — такой народ!

Когда ни сила не берет,
Ни дара благодать, —
Измором взять такой народ?
Гранит — измором взять!

(Сидит — и камешек гранит,
И грамотку хранит...
В твоей груди зарыт — горит! —
Гранит, *творит* — магнит.)

...Что *радий* из своей груди
Достал и подал: вот!
Живым — Европы посреди —
Зарыть такой народ?

Бог! Если ты и сам — *такой*,
Народ моей любви
Не со святыми упокой —
С живыми оживи!

20 мая 1939

11

Не умрешь, народ!
Бог тебя хранит!
Сердцем дал — гранат,
Грудью дал — гранит.

Процветай, народ,
Твердый, как скрижаль,
Жаркий, как гранат,
Чистый, как хрусталь.

21 мая 1939
Париж

* * *

Пора снимать янтарь,
Пора менять словарь,
Пора гасить фонарь
Наддверный...

Февраль 1941

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭМЫ

СТИХОТВОРЕНИЯ

МАРИНА ИВАНОВНА ЦВЕТАЕВА

Поэмы. Стихотворения.

Редактор
Н. Грахоа
Художник
И. Файрушин
Художественный редактор
В. Коаалеа
Технический редактор
Н. Зарипоаа
Корректоры
И. Пастушноаа, Л. Семеноаа

ИБ № 3359

Сдаио а набор 15.12.86. Подписано к печати 18.02.87. Формат бумаги $70 \times 90^{1}/32$. Бумага тип. 1. Школьная гарнитура. Печать аысокая. Услоан. печ. л. 10,53. Усл. нр. отт. 10,68. Учетн.-издат. л. 10,05. Тираж 100 000. Заказ № 849. Цена 1 руб. 10 коп.

Башкирское книжное издательстао. 450000, Уфа-центр, ул. Соаетская, 18. Уфимский полиграфкомбинат Госкомиздата Башкирской АССР. 450001, Уфа, проспект Октября, 2.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот».